

ВТОРОЕ ДВИЖЕНИЕ



ДЕНИС ПОЖИДАЕВ

18+

Денис Пожидаев

Второе движение

«Автор»

2026

Пожидаев Д.

Второе движение / Д. Пожидаев — «Автор», 2026

В каменной долине люди умеют читать следы, голоса и движения тела. Но однажды привычные признаки перестают быть надёжными: знакомое звучит слишком точно, а неверный вывод может оказаться опаснее самой угрозы. «Второе движение» — напряжённый роман о страхе, памяти и доверии. О том, как легко принять предупреждение за доказательство — и как трудно увидеть человека раньше, чем за него заговорит наш страх.

© Пожидаев Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДО ВОЗВРАЩЕНИЯ	6
Глава первая. Имена у огня	6
Глава вторая. Вода отвечает двоим	15
Глава третья. Голос без тела	23
Глава четвёртая. Цена следа	34
Глава пятая. За светом	44
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТЕ, КЕМ СТАНОВЯТСЯ	55
Глава шестая. Двойная спина	55
Глава седьмая. Те, кто отвечают	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Денис Пожидаев

Второе движение

ВТОРОЕ ДВИЖЕНИЕ

Денис Пожидаев

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДО ВОЗВРАЩЕНИЯ

Глава первая. Имена у огня

Керен понял, что Нара опять передвинула его ближе к воде, ещё до того, как она дошла до смешного места.

Не рукой — в рассказе.

Он сидел у главного огня, привалившись спиной к каменной стене, и переворачивал на плоской плите полоски мяса. Стена с одной стороны успела нагреться, с другой ещё держала ночной холод. Жир шипел, стекал в угли и вспыхивал коротким синим пламенем. Одна капля попала Керену на палец. Он дёрнул рукой — быстро, чтобы никто не заметил, — и снова взялся за мясо.

Нара рассказывала у соседнего камня, держа ладони над огнём и повернувшись к тем, кто уже прснулся.

— Ему было столько зим, что он ещё цеплялся за мой подол. Но стоило отвернуться — ушёл сам. Мы искали от воды и вверх. Кричали. Уже думали, к обрыву полез. А нашли у самой воды, возле большого камня. Спит. И рядом камешек лежит, будто сторожит его.

У дальнего огня засмеялись. Историю знали все. Смеялись не тому, что случилось, а тому, как Нара каждый раз показывала руками: вот такой был Керен, маленький, а важности — как у взрослого охотника.

Раньше Керен смеялся вместе со всеми. Сегодня не смог.

Вода снова оказалась слишком близко.

Он поднял левое плечо. Оно всегда двигалось первым, когда Керен собирался повернуться к человеку, будто тело хотело прикрыть шею прежде, чем лицо решит вступить в разговор.

— Камень был не у воды, — сказал он.

Смех у дальнего огня стих не сразу. Кто-то успел выдохнуть его последнюю часть и закашлялся.

Нара посмотрела на сына.

— Ты не помнишь того дня.

— Помню, как ты его рассказываешь.

— Это не одно и то же.

— Не одно.

Керен перевернул мясо. Один край уже почернел. Нара заметила, потянулась было к плите, но не стала помогать.

— Камень был выше, — продолжил он. — На сухом. Вода оставалась внизу.

— Откуда ты знаешь?

Он открыл рот и не ответил сразу.

Того дня целиком Керен не видел. Не мог вспомнить лицо Нары над собой или руки Селун под затылком. Внутри сохранилось только расположение вещей: холод шёл снизу, сухой камень лежал под щекой, вода шумела дальше, чем теперь говорила мать.

Не картинка. Форма.

— Не знаю откуда. Но он был наверху.

Нара поджала губы.

— Тогда ты едва умел говорить.

— Сейчас умею.

У дальнего огня тихо хмыкнули. Керен не посмотрел туда.

В глубине пещеры, у сухой стены, зашевелился Варен. Он сидел там, где хранили узлы памяти: ремни с метками, резные кости, камни, принесённые с мест, о которых нельзя было рассказывать по-разному. Палку держал поперёк коленей.

— Кто нёс его? — спросил он.

— Я, — ответила Нара.

— Всё время?

Она задержалась.

— До подъёма. Потом руки устали.

— Дальше несла я, — сказала Селун.

У малого огня она разбирала сухие корни для отвара. Селун лечила людей и слушала их сны. Слова забывала чаще других, зато помнила тело: кто на какую ногу опирался, у кого дрожала рука, как лежала голова раненого.

— Где ты его взяла? — спросил Варен.

Селун провела пальцами по корню, соскребая землю.

— Выше воды. На сухом склоне.

Нара отвела взгляд к огню.

— Уверена?

— Внизу тогда была глина. Я держала ему голову. Через глину с ребёнком на руках не пошла бы. Мы поднялись по сухому.

Керен посмотрел на мать. Она не рассердилась. Это было хуже и лучше сразу. На лице мелькнула обида, но Нара не стала за неё держаться.

— Значит, выше, — сказала она. — На сухом.

Варен один раз стукнул концом палки по камню.

— Дальше так и рассказывать.

Громче решения произносить не требовалось. Селун вернулась к корням, у дальнего огня снова заговорили. Нара взяла с плиты самый подгоревший кусок, откусила обугленный край и положила мясо обратно перед Кереном.

— Теперь следи. А то в следующем рассказе окажется, что я кормила тебя углём.

Керен улыбнулся, хотя старался не показать.

Он добился своего. В следующий раз его найдут не у воды.

Теперь можно было просить дальше.

Тарек сидел ближе всех к выходу. Холодный поток с перевала проходил по полу, касался его ног и уходил в пещеру, но Тарек не отодвигался. Он смотрел наружу, туда, где между камнями лежало белое утро.

— Возьми меня сегодня за камнем, — сказал Керен.

Тарек не обернулся.

— Возьму.

Керен не ожидал, что будет так просто, и сразу добавил:

— К настоящему выходу. Не на нижний склон.

Теперь Тарек посмотрел на него.

— Нет.

— Я знаю, где сухо. Я вижу след.

— Ты только что доказал, что один раз лежал на сухом.

— И что взрослые помнят не всё.

Нара тихо втянула воздух. Варен повернул голову.

— Рассказ о тебе не становится только твоим, когда ты его поправляешь, — сказал он.

Жар поднялся у Керена от груди к лицу.

— Тогда он не должен становиться только вашим.

На этот раз засмеялся даже тот, кто кашлял. Нара прикрыла рот ладонью, будто от дыма.

Тарек не улыбнулся. Он смотрел на Керена так, как смотрел на склон перед переходом: не решая, хороший он или плохой, а прикидывая, выдержит ли вес.

— За водой сейчас не ходят по одному. Даже взрослые.

— Почему?

— Потому.

— Это не причина.

— Для ребёнка — причина.

Керен сжал обожжённый палец в кулаке.

— Я не ребёнок, когда вы рассказываете про меня при всех.

— Тогда не веди себя как тот, кому достаточно победить в одном споре, чтобы лезть за границу.

Тарек поднялся. Правое колено у него разгибалось медленнее левого и в холод всегда выдавало его первым. Он взял прислонённое к стене короткое древко и бросил Керену.

Керен поймал двумя руками.

— Пойдёшь на нижний склон. Покажешь мне, где начинается удар.

Тарек не показал удар.

Сначала он показал две вмятины в мёрзлой земле.

Нижний склон лежал под Южным ртом, где известняк выходил наружу белыми рёбрами. Земли сверху было мало, и за ночь она схватывалась тонкой коркой. Ветер шёл снизу, из долины, и резал под одеждой.

Керен подтянул шкуру к подбородку. Тарек уже сидел на корточках над следами.

— Два, — сказал он.

— Вижу.

— Что видишь?

— Два следа.

— Это я сказал.

Керен опустился рядом. Холод сразу прошёл через одежду к коленям.

Один отпечаток был ровным. Другой глубже ушёл в землю пяткой, носок едва коснулся корки.

— Здесь зверь готовился прыгнуть.

— Почему?

— Сел назад. Нагрузил пятку.

— Ещё.

Керен посмотрел внимательнее.

— Или хотел ударить.

— Зверь?

— Человек мог идти в зверином следе.

Тарек поднял на него глаза. Керен понял, что добавил лишнее, но отступить не стал.

— Мог.

Тарек снял рукавицу и провёл пальцем по краю углубления.

— Смотри сюда.

У пятки шла короткая рваная борозда. Кромка земли была сдвинута вбок.

— Что это?

— Скользнул.

— Да.

— Но мог скользнуть, когда готовился прыгнуть.

— Мог.

— Значит, я прав.

— Нет.

Тарек положил в углубление маленький камешек и качнул его.

— Ты увидел тяжёлую пятку. Остальное принёс с собой: прыжок, удар, человека в зверином следе. Три вещи, которых здесь нет.

— А что есть?

— Пятка глубже носка. Кромка ушла вбок. Всё.

— И что это значит?

— Вес оказался на пятке, ногу повело.

— Почему?

— Наледь. Боль в другой ноге. Ноша потянула назад. Зверь услышал шум и остановился.

Прыжок. Удар. Пять причин.

— Как выбрать?

— Не выбирать раньше времени.

— А если нужно знать?

Тарек поднялся.

— Идти дальше.

Через несколько шагов отпечатки снова стали ровными. Ни прыжка, ни погони, ни крови впереди не было. Зверь просто продолжил путь.

— Наледь, — сказал Керен.

— Может быть.

— Но больше ничего не случилось.

— Это мы видим.

Керен посмотрел на него снизу вверх.

— Ты никогда не говоришь просто «да»?

— Говорю, когда знаю.

Тарек забрал у него древко.

— Теперь смотри на меня.

Он встал вполоборота, отставив правую ногу. Древко держал низко и почти не сжимал.

— Я ударю?

Керен посмотрел на острій.

— Не туда.

Он поднял взгляд к плечам. Тарек стоял спокойно.

— Не знаю.

— Хорошо.

— Почему?

— Потому что не придумал.

Тарек замер ещё на одно дыхание. Потом его правая пятка едва оторвалась от земли. Вес перешёл вперёд. Пальцы на древке ослабли и сразу сжались крепче. Правое плечо повернулось раньше бедра.

Керен отступил. Острий остановилось там, где только что была его грудь.

— Я видел.

Тарек опустил древко.

— Что?

— Пятка ушла. Потом рука отпустила и взяла снова. Плечо пошло раньше шага.

— Сначала пятка.

— Я сказал.

— Ты сказал всё сразу.

Керен попытался повторить движение: пятка, вес, пальцы. Получилось неловко. Древко качнулось в сторону, и Тарек поймал его прежде, чем оно ударилось о камень.

— Не играй с тем, чего ещё не держишь.

— Я хотел почувствовать.

— Тогда без остря.

Тарек снял каменный наконечник и вернул древко. Керен повторил медленнее. Пятка поднялась, вес ушёл вперёд, пальцы разжались.

Тело действительно собирало удар раньше, чем рука его наносила. Это было похоже на слово, которое ещё не прозвучало, но рот уже принял его форму.

— У каждого так?

— У каждого по-своему.

— И можно узнать?

— Если долго смотреть.

— А если человек знает, что на него смотрят?

Тарек задержал взгляд на его ногах.

— Тогда постарается не сказать.

— Телом?

— Телом.

Керен снова поставил пятку.

— А если собрался ударить, потом передумал?

Древко в руке Тарека перестало двигаться. Ветер прошёл по известняку. Где-то выше осыпался мелкий камень и долго прыгал вниз, ударяясь о склон.

— Тогда удара не будет.

— Но тело уже сказало.

— Сказало, что удар возможен.

— Не что он будет?

— Нет.

Керен посмотрел на место, где только что остановилось остриё.

— А если ждать, пока узнаешь, будет уже поздно?

Тарек отвернулся к тропе.

— Иногда.

— Тогда что делать?

— Решать.

— Это не ответ.

— Другого нет.

Тарек надел наконечник, затянул ремень и пошёл вверх.

Керен не двинулся.

— А ты что делаешь?

Тарек остановился, не оборачиваясь.

— Иногда жду.

— А иногда?

— Бью по движению.

— До удара?

Тарек медленно повернул голову.

— До удара.

— И потом узнаёшь, что был прав?

— Иногда.

— А если не был?

Тарек смотрел на него долго. Затем протянул руку.

— Древко.

Керен отдал.

— Если ударил раньше, иногда уже не у кого спросить, что человек собирался сделать.

Он пошёл к стоянке. Керен догнал его не сразу.
На обратной тропе Керен чуть не наступил на след.
Тарек схватил его за ворот и дёрнул назад так резко, что мех впился в горло.
— Стой.

Керен замер с поднятой ногой. Перед носком лежал человеческий отпечаток.
— Свой?

Тарек не ответил.

След начинался у края влажной земли, там, где тропа спускалась к Расколотовой воде. Первые шаги были широкими. Пятка входила глубоко, стопа ставилась чуть наружу — так ходил человек, привыкший к тяжёлой ноше и камню под ногами.

Тарек опустил на колено. Керен осторожно поставил ногу в сторону.

— Это наш.

— Почему?

— Так ходят наши.

Тарек провёл ладонью над отпечатком, возвращая ему тень.

— Так ходят многие.

Они двинулись вниз. Через несколько шагов постановка стопы стала уже. Пятка перестала первой врезаться в землю, вес перекатился к середине стопы. Шаг вытянулся и сделался тише.

Керен переводил взгляд с одного отпечатка на другой.

— Здесь второй.

— Где он встал?

Керен поискал рядом. Отдельного следа не было.

— Наступал в те же места.

— Тогда отпечатки были бы глубже.

— Очень точно наступал.

— Ни разу не ошибся?

Они прошли дальше.

Переход продолжался без разрыва. Широкий шаг сужался постепенно, почти незаметно. Человек не останавливался, не сбивался, не выбирал чужие отпечатки.

Он менялся на ходу.

— Один, — сказал Керен.

Тарек промолчал.

К концу влажного участка по тропе шёл уже человек с другой походкой. Тот же вес, та же длина ноги — другой способ нести себя.

Керен почувствовал холод не от ветра.

— Как он это сделал?

— Не знаю.

— Ты говорил, тело говорит своё.

— Говорит.

— Тогда это два человека.

Тарек указал на непрерывный край отпечатка.

— Нить одна.

— Может, первый нёс второго?

— Тогда вес прибавился бы.

— Второй был ребёнком.

— Тогда появились бы его ноги, когда он слез.

— Может, не слез.

Тарек поднялся и пошёл вдоль следа, не отвечая. Керен держался сзади и теперь смотрел не только ему под ноги, но и на спину, плечи, на то, как правая сторона двигается чуть осторожнее левой.

Сверху слышались шаги. Тарек обернулся ещё до того, как из-за камня вышел Мирас. Он нёс связку отщепов, прижав её к боку. Увидев их над тропой, остановился.

— Что нашли?

Тарек отступил, открывая след.

Мирас посмотрел на первые отпечатки, потом на последние.

Недолго. Слишком недолго.

— Так можно пройти нарочно.

Керен перевёл взгляд на него.

— Как?

— Сначала тяжело. Потом легче.

— Зачем?

— Чтобы след ошибся.

Тарек выпрямился.

— Ты умеешь?

Мирас пожал плечами.

— Все умеют менять шаг.

— Не так.

— Дети подражают взрослым. Я в детстве ходил за охотниками и ставил ноги, как они.

— От начала до конца?

Мирас снова посмотрел на след.

— Если долго учиться.

Связка отщепов у его бока сдвинулась. Мирас перехватил её прежде, чем она начала падать, и на одно мгновение поставил ноги уже, почти в одну линию. Потом снова встал обычно.

Керен увидел. Не понял, что именно, но запомнил.

— Кто тебя учил? — спросил Тарек.

— Ноги.

Мирас улыбнулся одним краем рта.

— Они быстро учатся, если голова не мешает.

Он пошёл к стоянке. Через несколько шагов Тарек окликнул:

— Варена позови.

Мирас не обернулся, только поднял свободную руку.

Керен дождался, пока он скроется.

— Он знал.

— Что?

— Как идти.

— Он сказал, что знал.

— До того, как посмотрел.

Тарек повернулся к нему.

— Смотрел.

— Мало.

— Это не доказательство.

Керен нахмурился.

— Ты сейчас говоришь как Варен.

— Не говори ему.

— Почему?

— Потому что обрадуется.

Варен пришёл не один. С ним спустились Нара и ещё двое взрослых. Нара сразу увидела Керена у воды и сжала губы, но при всех ничего не сказала.

Варен присел над первым следом.

— Что видел? — спросил он Тарека.

— Один человек вышел своим шагом. Дальше сменил его на чужой.

— Ты видел человека?

— След.

— Тогда ещё раз.

Тарек шумно выдохнул.

— Один человеческий след. Вес не меняется, ритм не рвётся. По пути меняется постановка ноги.

— Это видел?

— Да.

— Дальше.

— Так ходят Вторые.

— Это видел?

Тарек посмотрел на него.

— Нет.

— Тогда это не то же самое.

— Ты будешь разделять слова, пока он не войдёт к огню?

— Буду.

— След ведёт к нашей воде.

— Да.

— Зверь не меняет походку от широкой к узкой по дороге к людям.

— Не знаю.

— Я знаю.

— Тогда скажи, откуда.

Тарек сжал челюсть.

Керен ждал, что он назовёт старый рассказ — что-то про Вторых, про тех, кто приходил раньше. Но Тарек промолчал.

Варен опёрся на палку и встал.

— Идём до конца следа.

Человеческая нить дошла до камня у Расколотой воды и исчезла. На сухой поверхности не осталось ни тяжёлой пятки, ни тихой середины стопы.

Тарек обошёл камень справа, потом слева. Проверил влажную глину у чаши, щели между плитами, нижнюю тропу.

Ничего.

— Ушёл по камню, — сказал один из охотников.

— Или пришёл по нему, — ответил Варен.

Нара смотрела на воду.

— Почему так тихо?

Сначала Керен не понял. Расколотая вода гремела, падала с уступа, била в чашу. Тихо здесь не бывало никогда.

Потом он понял, что Нара слушает не воду.

На другом берегу не кричали птицы. В камнях не цокали мелкие копыта. У кромки не было свежего помёта, обломанных стеблей, сбитой животными глины.

Тарек медленно опустился на корточки. Там, где обычно толпился зверь, земля успела подсохнуть.

— Давно не подходили.

— С ночи? — спросил Керен.

— Дольше.

Чуть выше сохранилась цепочка копыт. Зверь спускался к воде, дошёл почти до открытого места и повернул обратно. Следы вверх лежали глубже следов вниз.

Уходил быстрее, чем пришёл.

Тарек поднял голову к камням противоположного берега. Там никого не было.

— Теперь можно назвать? — спросил он Варена.

Старик тоже смотрел на пустой берег.

— Нет.

— Чего тебе ещё нужно?

— Увидеть того, кого ты хочешь убить.

— А пока?

Варен повернулся к людям.

— К воде ходить не меньше чем втроём. Двое набирают, один смотрит. Ночью удвоить стражу. Детей за нижний камень не выпускать.

Он посмотрел на Тарека.

— След называть следом. Человека — человеком. Пока никто не увидел Второго, никто не произносит, что Второй уже у нашей воды.

Тарек отвернулся.

Керен ещё раз посмотрел на цепочку копыт, оборвавшуюся у открытого места.

Вода гремела как прежде.

Но зверь к ней больше не шёл.

Глава вторая. Вода отвечает двоим

Вода гремела так, будто звери никуда не ушли.

К Расколотой воде теперь спускались втроём. Тарек шёл первым, Нара за ним, Керен последним. Раньше он обгонял мать на поворотах, перепрыгивал через белые жилы камня и первым добирался до чаши. Сегодня Тарек дважды останавливал его поднятой ладонью, хотя Керен даже не пытался выйти вперёд.

У самой воды говорить стало трудно. Поток падал с уступа в каменную чашу и разбивался о дно с таким грохотом, что голос терял направление: можно было крикнуть человеку в ухо, а ему показалось бы, что зовут из-за спины.

Тарек распределил их жёстами. Нару поставил у чаши набирать воду, Керена — ниже, возле слива, где мех наполнялся медленнее, зато струя не вырывала его из рук. Сам встал выше, спиной к скале и лицом к пустому берегу.

Керен опустил горло меха под воду. Холод ударил в пальцы, свёл кисть. Он стиснул зубы и не отпустил. Нара всегда говорила, что холод сначала просит, потом приказывает. Если не послушать просьбу, приказ приходит позднее.

Керен считал удары сердца.

На двенадцатом Тарек показал: смотри левее.

Керен поднял голову. Тарек указывал не на открытый берег, а туда, где вода шумела сильнее всего, возле россыпи светлых камней. Потом подошёл и наклонился к самому его уху.

— Не ищи там, где тихо. Ищи, где шум прячет чужой шаг.

Сначала Керен увидел только солнечный свет, бьющий от мокрой поверхности. Потом заметил малый камень, поставленный на большой.

Именно поставленный.

Узкий конец смотрел вверх. Рядом по плоской поверхности шла свежая царапина, блее старого известняка. Она указывала от воды к сухой тропе.

Керен перестал чувствовать холод.

Он знал этот знак.

Мирас показывал такие ещё до смерти Орека — не при людях, а на нижней площадке, среди детских игр. Малый камень ставили на большой, проводили черту и прятались. Тот, кто находил знак, шёл по черте и отвечал своим камнем.

Мирас называл это игрой отклика.

Орек тоже в неё играл.

Однажды Керен спросил, почему нельзя складывать знаки возле главного огня. Мирас ответил: там и без камней видно, кто свой. Потом велел ничего не говорить Варену, иначе старики превратят игру в правило, и играть станет невозможно.

Керен тогда согласился.

Теперь знак стоял у воды. Не детский и не старый. Царапина была свежей.

Он повернул голову к Тареку.

Нужно было показать.

Тарек спросит, откуда Керен знает значение. Придётся назвать Мираса. Назвать Орека. Рассказать про игру, которую прятали от Варена. После этого камни отнимут, а вместе с ними исчезнет последняя вещь, которую Керен помнил не из общего рассказа, а собственными руками.

Струя переполнила мех и залила ему обувь. Нара что-то крикнула, но Керен не расслышал.

За большим белым камнем шевельнулось тёмное.

Не вода: она качала тени одинаково. Это движение было коротким и отдельным. Что-то убралось за край, поняв, что на него смотрят.

Керен выпустил мех.

Тарек уже двигался. Правая пятка разгрузилась, вес ушёл вперёд, рука на древке ослабла и снова сжалась.

Керен узнал последовательность прежде, чем понял, куда Тарек смотрит.

Тарек пошёл вдоль скалы по дуге, забирая выше, чтобы солнце оказалось за спиной. Не торопился, ставил ноги туда, где вода заглушала шаги.

Нара поднялась от чаши. Керен показал ей: стой.

Она не послушалась, перехватила полный мех и подошла.

— Что ты видел?

Керен указал на камень, за которым мелькнуло движение.

Не на знак.

Тарек исчез из виду. Несколько мгновений оставались только вода, белый свет и край тёмного камня. Потом над россыпью показалось остриё древка, следом — плечо Тарека.

Он обошёл камень, присел, коснулся земли. Проверил щель между плитами, поднялся и долго смотрел туда, где сухая тропа уходила вверх.

Когда Тарек вернулся, его лицо было спокойнее, чем нужно.

— Никого.

— Что двигалось? — спросила Нара.

— Не видел.

— Керен видел.

Тарек посмотрел на мальчика.

— Что?

— Тёмное. За камнем.

— Рука?

Керен вспомнил, как край тени исчез за белой глыбой.

— Не знаю.

— Голова?

— Не знаю.

— Зверь?

— Может быть.

Тарек кивнул.

— Значит, видел движение. Остального не видел.

Он сказал без упрёка, но Керен почувствовал это сильнее, чем если бы Тарек назвал его трусом.

Керен поднял мех. Мокрый ремень резал пальцы. Знак всё ещё стоял на белом камне, совсем рядом с Тарексом. Тот не замечал его.

Или замечал, но не понимал.

Керен мог указать одним движением руки.

Вместо этого затянул ремень.

— Идём, — сказала Нара.

На подъёме он несколько раз оглядывался. С расстояния малый камень слился с большим, царапина исчезла.

Знак остался у воды.

Керен унёс только то, о чём промолчал.

Тарек не пошёл за ними.

Нара заметила это на первом повороте, поставила мех на землю и посмотрела вниз.

— Стой здесь.

— Он велел ходить втроём.

Нара раздражённо дёрнула ремень.

— Поэтому стой здесь и смотри на меня.

Она начала спускаться.

Керен дождался, пока её голова исчезнет за уступом, и пошёл следом.

Тарек стоял на коленях у нижнего края чаши. Брызги не давали земле промёрзнуть, и глина сохраняла даже тонкие следы. Рядом с последним человеческим отпечатком — там, где изменившаяся походка уходила на сухой камень, — темнел след ладони.

Это не было лёгким касанием. Ладонь вошла глубоко, всей плоскостью. Пальцы были собраны, большой палец смотрел в сторону воды.

Тарек поднял голову.

— Я сказал ждать наверху.

— Мне сказала Нара.

— Значит, послушался двоих сразу.

— Зато нас опять трое.

Нара бросила на сына тяжёлый взгляд, но спорить не стала.

Тарек показал на отпечаток.

— Как он поставил руку?

Керен присел.

— Упал.

— Покажи.

Он поставил ногу в последний человеческий след. Отпечаток был больше его стопы, но положение повторить можно было. Керен перенёс вес вперёд, на сухой камень, и потянулся назад к ладони.

Не достал.

Повернул плечи сильнее. Стопа начала выходить из отпечатка, и Тарек схватил его за одежду, возвращая на место.

— Ещё.

— Если он поскользнулся...

Керен качнулся назад. Чтобы удержаться, пришлось переставить вторую ногу в глину. Под пяткой сразу остался новый след.

Тарек указал на него.

— Вот.

Керен убрал ногу.

— Он мог упасть на колено.

— Где колено?

Следа не было.

— Мог опереться и сразу подняться.

— Чем?

Вокруг глубокой ладони оставалась пустая глина. Ни второго отпечатка руки, ни колена, ни носка стопы. Только одна ладонь в стороне от человеческой нити.

Тарек встал в последний след сам. Его рука была длиннее Кереновой, но и он не достал до отпечатка, пока не начал падать назад.

Нара смотрела не на него, а вокруг.

— Если эта рука держала того, кто шёл, она принадлежит другому.

— Да.

— Где стоял другой?

Тарек указал на сухой камень.

— Там.

— А пришёл откуда?

Он промолчал.

Нара обошла площадку по краю, наклоняясь к каждой полосе влажной земли.

— Здесь нет входящего следа. И уходящего нет.

— Камень ничего не держит.

— С камня тоже нужно сойти.

— Не сюда.

— Тогда куда?

Тарек посмотрел на противоположный берег. От чаши туда тянулась цепь мокрых плит. Человек мог пройти по ним, не касаясь глины, если точно знал, куда ставить ноги.

— Их было двое.

— Было две руки и одна нить, — возразила Нара.

— Рука не пришита к земле.

— Но второго человека ты не видел.

— Ты сама его искала.

— Искала. Не нашла.

Керен снова посмотрел на ладонь. Пальцы были собраны не так, как у падающего. Человек не хватался за землю — он давил всей рукой, удерживая что-то тяжёлое.

Или кого-то.

Сверху послышался стук палки. Варен спускался медленно, останавливаясь на каждом уступе. За ним шёл Мирас.

Керен сразу посмотрел на него.

Мирас увидел отпечаток, и лицо его не изменилось. Только шаг перед последним спуском стал короче.

Варен выслушал Тарека, затем велел ему снова встать в последний след и показать положение тела.

— Одно тело так не удержится, — сказал Тарек. — Нужна вторая опора.

— Сколько тел следует из следов? — спросил Варен.

— Два.

— Кто они?

— Один менял походку. Второй его держал.

— Это действия. Кто они?

Тарек посмотрел на пустой берег.

— Вторые.

— Этого здесь нет.

— Что ещё тебе нужно? Чужой след, знак зверя, который не подходит к воде, вторая рука без второго пути?

При слове «знак» Керен вздрогнул.

Тарек говорил не о камне. О признаке.

Мирас посмотрел на Керена. Всего на миг.

— Мне нужно не дать страху назвать человека раньше глаз, — сказал Варен. — Тел было не меньше двух. Один прошёл к воде, второй удерживал его или стоял рядом. Это мы знаем.

— И всё?

— Для знания — всё.

— Для охраны?

— Достаточно.

Варен повернулся к Мирасу.

— Позови ещё двоих. Осмотрите камни на другом берегу. Не ищите только ноги. Смотрите, где сбита пыль, где мокрое легло на сухое, где рука коснулась стены. И никого не называйте Вторым, пока не увидите.

Мирас кивнул и пошёл наверх.

На третьем шаге он изменил постановку стопы, обходя мокрую плиту: поставил ногу уже, мягко, с середины.

Так мог бы пройти человек с изменившегося следа.

Через шаг Мирас снова шёл обычно.

Керен увидел.

На этот раз Тарек тоже.

Оба промолчали.

Во сне человек у воды не оставлял следов.

Керен стоял у Расколотой чаши. Вода падала без звука: белые брызги разбивались о камень, но не гремели.

На противоположном берегу находился человек.

Керен знал его. Во сне этого было достаточно. Лица человек не показывал, но Керен не сомневался, что видел его раньше — у огня, в детстве или где-то ещё. Может быть, это был Орек, хотя плечи были не его.

Человек стоял спиной и смотрел в воду. Перед ним лежала длинная чёрная тень. Отражённый свет шевелил её.

Потом тень сделала шаг.

Человек остался на месте.

Тень прошла по камню к сухой тропе.

Керен не испугался. Сразу нашёл объяснение: за его спиной горит огонь. Один свет держит человека, второй уводит тень. Стоит повернуться — и всё станет правильным.

Он оглянулся.

Огня не было.

Когда Керен снова посмотрел на воду, человек всё ещё стоял спиной. Тень уже дошла до белого камня и остановилась возле поставленного знака.

Она подняла руку.

Человек у воды не шевельнулся.

Керен хотел позвать Тарека, но вспомнил, что вода отнимает у голоса направление. Тогда он опустил взгляд к ногам человека.

Стопы стояли тяжело и широко, как у Первых.

Тень — узко, почти в одну линию.

Керен понял: смотреть нужно не на лицо.

В этот момент человек повернул голову. Медленно, через плечо.

Не потому, что слышал: вода была беззвучной.

Он поворачивался, потому что понял — Керен заметил тень.

Человек ещё не видел его лицом, но уже смотрел спиной.

Керен проснулся раньше, чем головы должно было хватить для полного поворота.

Он лежал в темноте Южного рта, вцепившись пальцами в шкуру. Огонь почти погас. Камни очага остывали и потрескивали — каждый звук отдельно. Рядом кто-то всхрипнул, перевернулся. Пахло людьми, старым дымом и жиром.

Настоящее возвращалось не сразу.

Керен посмотрел на место Нары.

Шкура была пуста.

Он сел. Сердце било высоко, у самого горла. Спина промокла, холод уже забирался под одежду.

У малого огня сидела Селун. Она перебирала сушёные листья, хотя в темноте почти не могла различать их. Керен подошёл и сел рядом.

Селун не спросила, что произошло. Положила ладонь ему на затылок и подождала, пока он перестанет хватать воздух.

— Где ты был?

— У воды.

— Снаружи или во сне?

— Во сне.

— Что было неправильным первым?

Керен закрыл глаза. Хотел сказать: человек. Но человек сначала стоял как все.

— Тень.

— Потом?

— Ноги. У человека одни, у тени другие.

— Что тебя разбудило?

— Он понял, что я заметил.

Селун убрала ладонь.

— Ты видел это сегодня у воды?

— Нет.

— Значит, не рассказывай как увиденное.

— Знаю.

— Но и не выбрасывай.

Керен посмотрел на неё.

— Почему?

Селун взяла лист, растёрла между пальцами и понюхала.

— Сон смешивает то, что глаза принесли днём. Иногда глупо. Иногда ставит рядом две вещи, которые ты сам рядом не поставил.

— Значит, тень была знаком?

— Нет.

— Но ты сказала не выбрасывать.

— Утром посмотри дважды туда, куда во сне побоялся посмотреть один раз. Только не называй страх доказательством.

Керен подумал о белом камне, о движении за ним и ногах Мираса.

— Если увижу?

— Тогда увидишь.

— А если нет?

— Значит, у тебя был плохой сон.

Селун потянула его обратно к шкуре.

Место Нары всё ещё оставалось пустым.

— Где она?

Селун посмотрела к выходу.

— Может, по нужде.

Керен лёг, но глаз не закрыл.

Через некоторое время Нара вернулась. От неё пахло наружным холодом. Она осторожно легла рядом, стараясь не задеть сына.

Керен притворился спящим.

Нара долго не укрывалась. Ладони были ледяными. Она держала их перед собой, будто на них оставалось что-то, чего Керен не мог увидеть.

Нара вышла к границе света не потому, что услышала голос.

Она вышла проверить, придёт ли он.

Три зимы она слышала Орека только внутри себя: в коротком кашле чужого человека, в ударе камня о камень, в том, как Керен втягивал воздух перед упрямым ответом. Память брала обыкновенный звук и на мгновение делала его голосом умершего.

Нара это знала.

И всё равно стояла у входа.

За последним отсветом огня начиналась темнота. Каменные стены ломали ветер и возвращали каждый звук с другой стороны. Человек у Горла мог говорить снизу, а голос приходил сверху. Мог стоять справа, а казалось — за спиной.

Нара ждала, пока начали мёрзнуть ноги.

Ничего не происходило.

Она уже повернулась к огню, когда из темноты позвали Керена.

Не коротко — не «Кер», как Орек звал сына каждый день.

Голос произнёс всё имя. Каждый звук отдельно, чисто и бережно.

Так называют человека, которого прежде никогда не звали, но долго учились.

Нара не смогла вдохнуть.

Голос был Ореков.

Не похож на его голос — был им. Та же глубина, та же хриплая середина, та же мягкость последнего слога, которую Нара узнала бы среди сотни живых.

Не было только кашля.

Перед дальним зовом Орек всегда кашлял. Даже молодым набирал слишком много воздуха, давился им, сердился на себя и только потом кричал.

Этот голос набрал воздух без ошибки.

— Керен, — позвал он снова.

Слишком ровно.

Слишком целиком.

Нара сделала шаг в темноту. Тело пошло раньше решения: носок уже коснулся холодного камня за границей света.

Она остановилась.

Голос не звал её, не говорил об Ореке и не просил помощи. Он пробовал имя сына и ждал, выйдет ли тот, кому оно принадлежит.

Нара оглянулась на пещеру.

Можно было разбудить Тарека. Он взял бы копье и пошёл к Горлу.

Можно было позвать Варена. Он поставил бы людей, начал считать слова, отделять услышанное от понятого.

Можно было разбудить Керена и спросить, слышит ли он отца.

Нара не сделала ничего.

Тарек мог ударить прежде, чем увидит. Варен превратил бы голос в общую историю, и у Нары отняли бы право ещё хоть мгновение слышать в нём мужа.

А если разбудить Керена, сын выйдет.

Голос назвал его в третий раз.

Тише.

Теперь в нём появилась усталость — не Орекова, а правильно добавленная, будто тот, кто говорил, вспомнил: живой голос не может звучать одинаково.

Нара испугалась сильнее.

Он учился прямо сейчас.

Она отступила к огню.

Голос больше не позвал.

Нара вернулась к сыну и легла рядом. Керен дышал ровно, но слишком ровно. Она поняла, что он не спит, и всё равно ничего не сказала.

До рассвета Нара слушала его дыхание.

Когда над входом начал сереть камень, она уже знала, какой тропой поведёт сына за хвостом.

Глава третья. Голос без тела

Нара повела Керена к Горлу на следующее утро.

Хворост там был хуже, чем у нижней осыпи. Ветки росли кривые, напитанные сыростью, ломались не сразу, а тянули за собой длинные полосы коры. За хорошим сушняком к Горлу не ходили.

Керен понял это на половине подъёма.

Нара шла впереди, часто оглядывалась и каждый раз делала вид, что смотрит не на него, а на тропу позади. Копья не взяла — только нож для веток и ремень, которым стягивали вязанку.

— У нижнего камня дерево суше.

— Там вчера собрали.

— Не всё.

— Соберём это.

Керен ударил ногой по торчащей ветке. Та согнулась и не сломалась.

— Это даже гореть не будет.

— Высохнет.

Нара продолжила подъём.

Долина сужалась. Стены сходились, ветер переставал идти прямо и начинал метаться между камнями. Шум Расколотой воды доходил сюда ослабленным, но отовсюду: то снизу, то сбоку, то будто из-за спины.

Керен посмотрел на мать.

— Ты пришла сюда слушать.

Нара не остановилась.

— Я пришла за деревом.

— Тогда выбрала плохое место.

— Ломай то, что сухое внутри.

Керен ударил ножом по ветке. Кора оказалась влажной, сердцевина — серой.

— Ты ночью была у выхода.

Нара остановилась спиной к нему. Рука с ножом опустилась вдоль бедра.

— Ты не спал?

— Спал.

— Тогда откуда знаешь?

— Просыпался.

Она повернулась.

— Почему не позвал меня?

— Тебя не было.

Он сказал без обвинения. От этого прозвучало хуже.

Нара посмотрела вверх, туда, где Горло изгибалось за выступом. До поворота оставалось шагов двадцать.

— Держись рядом.

— Ты слышала его раньше?

— Кого?

Керен не ответил.

Нара первой отвела взгляд.

Они дошли до поворота. Камень нависал над тропой, сжимая её с двух сторон. Под ногами лежала мелкая белая крошка, скользившая при быстром шаге.

Нара выбрала куст у стены и начала срезать ветки. Керен встал напротив. Сухое дерево трещало в его руках, но звук сразу уходил в камень и возвращался слабым повтором. Один удар ножа превращался в два. Шаг Нары отзывался где-то впереди.

Керен вспомнил человека у воды, чья тень ушла раньше тела, и посмотрел на ноги матери.

Они стояли как всегда: широко, уверенно, носками наружу.

Он почувствовал себя глупо и отвернулся.

Из-за поворота позвали его.

Полным именем.

Керен выпрямился. Ветка осталась в поднятой руке.

Голос был отцовским. Не похожим — тем самым. Низким, чуть хриплым в середине. Керен слышал, как Орек звал его с дальней тропы, когда хотел показать найденный рог. Как будил на рассвете. Как смеялся, нарочно растягивая имя, если сын притворялся спящим.

Тело узнало раньше него.

Левое плечо поднялось. Голова повернулась. Нога шагнула к повороту.

Нара ударила его сбоку — не сильно, всем телом, отбрасывая к стене. Ветка выпала. Керен задел плечом камень и вскрикнул.

Мать прижала ладонь к его рту.

— Тихо.

Голос не повторил.

Керен оттолкнул её руку.

— Это отец.

Нара держала его за одежду на груди.

— Нет.

— Ты слышала.

— Слышала.

— Это его голос.

— Голос — его.

— Тогда пусти.

Керен дёрнулся. Нара сильнее прижала его к стене.

— Стой.

— Там отец!

— Отец мёртв.

— Ты не видела его мёртвым.

Нара вздрогнула.

У Первых так не говорили о закрытой смерти. Были свидетели, кровь и слова Варена. Историю Орека закончили три зимы назад.

Керен почувствовал, что попал в место, которого не понимал, но уже не мог отступить.

— Ты сама пришла сюда. Значит, не уверена.

— Я пришла проверить.

— Что?

— Голос.

— Значит, слышала раньше.

Нара промолчала.

За поворотом ничего не двигалось. Ветер прошёл по Горлу и принёс шелест, похожий на выдох.

Керен посмотрел туда.

Имя прозвучало правильно. И всё же что-то в нём мешало.

Он попытался вспомнить не сам голос, а то, что должно было случиться перед ним.

Отец, когда звал издалека, всегда набирал воздух слишком резко. Потом кашлял один раз, сердито, будто горло его подвело. Иногда ругался вполголоса и только после этого кричал.

Этот голос не кашлял.

Он начался сразу.

И имя прозвучало целиком. Отец почти никогда не тратил на него всю длину. Съедал середину, оставляя начало и последний звук. Имя было старым инструментом, истёртым его ртом.

Этот голос произнёс его новым.

Керен перестал вырываться.

— Он сказал слишком хорошо, — прошептал он.

Нара посмотрела на сына.

— Что?

— Отец так не говорил.

За поворотом хрустнул камень.

Нара вытащила нож.

— Назад.

Они начали отступать, не поворачиваясь к Горлу спиной. Керен смотрел на выступ, ожидая увидеть руку, лицо, хотя бы край одежды.

Ничего.

Когда они отошли шагов на десять, голос снова назвал Керена.

Тише, чем прежде.

После имени осталось пустое место.

Не обычная тишина — ожидание. Тот, кто говорил, не собирался ничего добавлять. Он слушал, что сделает Керен.

Тело опять подалось вперёд. Совсем немного: нога ещё не поднялась, только вес ушёл с пятки.

Нара увидела. На этот раз не схватила сына, а положила ладонь ему на грудь и удержала первое движение, пока оно не стало шагом.

— Назад.

Они спустились ниже.

Голос больше не звал.

Только когда Горло исчезло за двумя поворотами, Нара убрала нож. Керен заметил, что всё это время лезвие было направлено не к возможному врагу, а вбок — туда, где стоял он.

Чтобы перерезать ему путь, если снова рванётся.

Вязанка осталась у стены. Они вернулись с тремя ветками, которые Керен всё ещё сжимал под мышкой.

У входа Нара остановила его.

— Варену скажем, что слышали сегодня.

— А про ночь?

— Про ночь не нужно.

— Почему?

— Тогда я была одна. Могла слышать память.

— Сегодня ты пришла туда, где слышала память?

Нара сжала губы.

— Керен.

— Ты хочешь, чтобы я сказал не всё.

— Я хочу, чтобы ты не говорил о том, чего не видел.

— Я видел, что тебя не было у огня.

— Это не голос.

— Но ты его слышала.

Нара посмотрела в глубину Южного рта. Там уже двигались люди. Кто-то заметил их возвращение без хвороста и шёл навстречу.

— Сегодня мы слышали вместе. Этого достаточно.

Керен понял, что ответа не будет.

И впервые решил оставить часть правды не потому, что боялся наказания, а потому, что взрослый сам попросил сохранить в ней дыру.

Варен посадил Керена и Нару по разные стороны рабочего огня.

Между ними лежал большой камень для разделки, хотя разделять было нечего. Охотники снова вернулись без мяса. На камне оставались только нож, костяное шило и связка ремней, которые чинил Мирас.

Тарек встал у выхода. Он уже слышал короткий рассказ Нары и выглядел так, будто самое важное ему не сказали.

— Сначала Керен, — распорядился Варен.

Нара хотела возразить.

— Отдельно.

Она пересела к сухой стене. Слышать всё равно могла, но Варен повернул Керена лицом к себе.

— Откуда пришёл голос?

— Из-за поворота в Горле.

— Ты видел рот?

— Нет.

— Человека?

— Нет.

— След?

— Там каменная крошка. Мы не смотрели.

Тарек шумно выдохнул у входа. Варен даже не повернулся.

— Что ты сделал, когда услышал?

— Повернулся.

— Потом?

Керен посмотрел на мать.

— Шагнул.

— Сколько шагов?

— Один. Может, меньше.

— Меньше шага бывает?

Керен вспомнил, как вес ушёл вперёд, а нога только начала подниматься.

— Бывает. Сначала я подался.

— Потом поставил ногу?

— Да.

— Нара остановила?

— Да.

— Голос говорил что-нибудь кроме имени?

— Нет.

— Сколько раз позвал?

— Два.

Нара подняла голову.

Керен заметил.

Ночью голос звал трижды. Сегодня — дважды. Он смотрел на Варена, ожидая вопроса о другом времени.

— Одинаково? — спросил старик.

— Нет.

— Что менялось?

— Второй раз было тише.

— Ещё.

Керен прикрыл глаза. Первый зов пришёл сразу. Второй оставил после себя место.

— Он ждал.

— Любой голос ждёт ответа.

— Не так.

— Как?

Керен не находил слов. Посмотрел на Тарека. Тот стоял неподвижно, но правая рука сжимала древко выше обычного.

— Будто второй раз уже не звал. Проверял, выйду ли после первого.

Мирас на мгновение перестал протягивать ремень через прорезь. Потом продолжил работу.

Варен заметил движение глаз Керена, но не проследил, куда тот посмотрел.

— Чей был голос?

— Орека.

— Ты слышал Орека?

— Я слышал его голос.

— Это одно?

— Нет.

— Почему?

— Отца я не видел.

Варен кивнул.

— Что в голосе было его?

Керен перечислил: глубина, хриплая середина, мягкий последний звук.

— Что было не его?

— Он не кашлял.

Нара заговорила со своего места:

— Ветер мог унести кашель.

Варен поднял ладонь.

— Потом.

Керен продолжил:

— Имя было слишком длинным.

— Длиннее твоего имени?

— Нет. Слишком целым. Отец проглатывал середину.

— Всегда?

— Почти.

— Когда говорил всё?

Керен задумался.

— Когда сердился. Или хотел, чтобы я остановился.

— Сейчас голос сердился?

— Нет.

— Хотел остановить?

— Нет. Хотел, чтобы я пошёл.

Варен повернулся к Наре.

— Теперь ты.

Она пересказала дорогу, место, голос и рывок Керена. Сказала, что повела сына за хвостом, потому что на нижней осыпи почти ничего не осталось.

Керен смотрел на её руки. Большой палец правой тёр бок указательного — так Нара всегда делала, когда пыталась удержать лицо спокойным.

— Почему остановила его? — спросил Варен.

— Голос пришёл без тела.

— Это запрещено?

— Теперь должно быть.

— Почему?

— Потому что звал умерший.

— Память может звучать голосом умершего?

— Может.

— В двоих одновременно?

Нара промолчала.

Варен подождал.

— Нет, — сказала она. — Не одинаково.

— Значит, источник был снаружи?

— Думаю, да.

Тарек оттолкнулся от стены.

— Думаешь?

— Я не видела.

— Но повела ребёнка туда, где ждала голос.

В пещере стало тихо.

Нара повернулась к нему.

— Я не ждала.

Тарек посмотрел на три мокрые ветки возле её ног.

— За этим ходила?

— Тарек, — предупредил Варен.

— Она привела его к Горлу без копы. Голос позвал, мальчик шагнул. А теперь мы разделяем, что она думала.

Нара встала.

— Я удержала сына.

— После того как привела.

— Я не знала, что он будет там.

— Но знала, где слушать.

Керен увидел, как мать побледнела.

Варен стукнул палкой по камню.

— Сядьте оба.

Нара подчинилась не сразу. Тарек остался стоять.

— Нара, ты слышала этот голос раньше?

Керен перестал дышать.

Мать посмотрела на него. Он мог сказать: ночью её не было. Мог отдать Варену недостающую часть.

Нара ответила:

— После смерти Орека я слышала его много раз.

— Во сне?

— И после сна.

— Вчера?

— Я не знаю, что слышала вчера. Поэтому не принесла это как случившееся.

Это не было прямой ложью. Она положила рядом две правды так, чтобы между ними спряталось то, о чём спросили.

Варен смотрел на неё несколько мгновений.

— Сегодня источник был снаружи. Это подтверждают двое. Остальное пока оставим.

Тарек отвернулся к выходу.

Керен почувствовал облегчение и злость одновременно. Варен не поймал мать. Или поймал и позволил ей остаться в недосказанном.

— Что известно о Вторых? — спросил он.

Тарек ответил сразу:

— Берут чужие голоса.

— Ты сам слышал?

— Нет.

— Кто слышал?

— Те, кто вернулся после встречи.

— Кто из них жив?

Тарек сжал древко.

— Никто у нашего огня.

— Значит, это переданный рассказ.

— Оттого не ложный.

— Но переданный.

Кожа скрипнула в руках Мираса.

— Почему голос был слишком целым? — спросил Варен.

Тарек провёл большим пальцем по древку.

— Чужой рот хранит голос лучше хозяина. Не стирает привычкой. Берёт, каким услышал, и повторяет.

— Может повторить кашель?

— Если слышал.

— Знать короткое имя?

— Если слышал.

— Значит, несовпадение не всегда останется одним и тем же.

Тарек посмотрел на него.

— Что ты хочешь сказать?

— Один раз мы узнаем голос по отсутствующему кашлю. Второй раз тот, кто слушает нас сейчас, добавит кашель.

Нара медленно повернулась к входу, будто голос мог стоять за границей света и действительно слушать их разбор.

Керен вспомнил третий ночной зов. Усталость появилась в нём только после двух слишком ровных попыток.

Он уже учился.

Варен разложил на разделочном камне нож, шило и ремень, оставляя между ними расстояние.

— Голос — это голос. Не человек. Имя — имя, не лицо. Сон может подсказать, куда посмотреть, но не говорит, кого убить.

Тарек усмехнулся без веселья.

— Пока мы перечисляем, он зовёт детей.

— Поэтому слушайте правило.

Люди у соседних огней перестали работать. Варен говорил негромко, но слова пошли по всей пещере.

— На голос из темноты не отвечать. К голосу без тела не идти. Услышал знакомого — сначала увидеть. Увидел — проверить, совпадают ли голос, лицо и движение. Если что-то не совпало, отойти и позвать остальных. Одному не преследовать.

— А если он уводит ребёнка? — спросил Тарек.

— Остановить ребёнка.

— А того, кто зовёт?

— Увидеть.

— Пока увижу, он уйдёт.

— Пусть лучше уйдёт неизвестный, чем ты убьёшь известного, которого не разглядел.

Тарек подался вперёд.

— Ты думаешь, свой станет звать голосом мёртвого из Горла?

— Я думаю, что в темноте ты можешь не увидеть, кто зовёт. И вспомнишь об этом только после удара.

Тарек застыл.

Нара посмотрела сначала на него, потом на Варена.

Керен понял, что между взрослыми снова открылось место, о котором ему не рассказывали.

— Детей научить сегодня, — продолжил Варен. — Не пугать Вторыми. Учить действию: голос без тела — стой. Знакомый зов из темноты — не отвечай. Сначала найди живого рядом и скажи, что слышал.

Селун сидела у малого огня.

— А сны?

— Рассказывать тебе утром. Не ночью всему кругу.

— Почему?

— Ночью страх быстрее слов.

Селун кивнула.

— А утром медленнее правды.

Варен не ответил.

Совет закончился не решением, кто находится у Горла, а правилом для того, кого позовут. Люди разошлись. Тарек выбрал двоих и ушёл осматривать тропу.

Мирас остался с ремнями.

Когда Керен проходил мимо, он тихо спросил:

— После имени долго было пусто?

Керен остановился.

— Какое пусто?

— До второго раза. Он сразу позвал снова или ждал?

Мирас не смотрел на него. Шилом расширял отверстие в толстой коже.

— Зачем тебе?

— Варен спрашивал, что менялось.

— Варен не спросил, сколько он ждал.

Шило остановилось.

— Может, забыл.

— А ты не забыл.

Мирас поднял глаза.

Нара позвала Керена, и он не успел спросить дальше.

К вечеру Нара распорол всю левую обувь Керена.

Ремень действительно надорвался возле пятки, но небольшую трещину можно было стянуть двумя проколами. Нара сняла старую нить, развернула мех, выскоблила жир с внутренней стороны и начала шить заново.

Керен сидел рядом, положив босую ногу на сложенную шкуру.

— Ты сделаешь её меньше.

— Разносишь.

— Она уже была разношена.

— Значит, разносишь снова.

Игла входила в кожу туго. Нара проталкивала её костяным напёрстком и каждый стежок затыгивала до скрипа.

Керен смотрел на её руки.

— Ты знала, что он позовёт.

Игла остановилась.

— Не знала.

— Ждала.

— Это не одно.

— Для Варена было бы одним.

Нара выдернула иглу и потянула нить.

— Варен спрашивал, слышала ли я раньше. После смерти Орека я много раз его слышала.

— Но вчера был не сон.

— Ты не знаешь.

— Ты вышла слушать.

Нара положила обувь на колени.

— Да.

Первое прямое слово за весь день.

Керен ждал.

— Ночью я услышала его, — продолжила она. — Не память. Не уверена, но думаю, что голос пришёл снаружи.

— Сколько раз?

— Три.

— Почему не разбудила?

Нара провела пальцем по краю меха.

— Потому что Тарек пошёл бы туда.

— И?

— Ударил бы в темноту.

— Варен бы не позволил.

— Иногда рука быстрее Варена.

Керен вспомнил древко перед своей грудью. Остановленное остриё.

— А меня почему не разбудила?

Нара посмотрела так, будто ответ был очевиден.

— Ты бы вышел.

— Нет.

— Сегодня вышел.

— Я только шагнул.

— Одного шага достаточно, если за ним обрыв.

Керен убрал босую ногу со шкуры.

— Ты думаешь, я не могу остановиться.

— Думаю, этот голос знает, где тебе трудно это сделать.

— Потому что отец?

— Потому что твой отец.

Она снова начала шить.

— Чужой мог взять голос любого умершего, но взял Орека. Значит, знал, кому этим голосом причинить движение.

Керен посмотрел в огонь.

— Откуда?

— Не знаю.

— Он видел меня с отцом?

— Может быть.

— Орек показывал меня Вторым?

Нить у Нары порвалась. Она тихо выругалась, закусилась кончиком и начала вдевать заново.

— Отец ходил к ним?

— Керен.

— Мирас знает их знаки. Отец играл ими. Голос знает моё имя.

— Не складывай всё, что пугает, в один ответ.

Это были слова Варена.

Керен усмехнулся.

— Ты сейчас говоришь как он.

— Не говори ему.

Они оба замолчали.

Нара первой отвела взгляд. Она тоже слышала повтор утренней фразы и узнала его.

— Ты чинишь обувь, чтобы я не ушёл.

— Чиню, потому что она порвалась.

— Тогда зачем распорол целое?

Нара затянула следующий стежок.

— Чтобы держало.

— Ты хочешь, чтобы она держала меня.

— Хочу.

Она сказала резко, почти зло.

Керен посмотрел на неё.

— Не обувь, — добавила Нара. — Я.

Он не нашёл быстрого ответа.

Нара взяла его ступню и приложила к меху, проверяя длину. Ладонь была тёплой. Большой палец прошёл по старому шраму у щиколотки — тому, который она знала с его трёх зим.

— Не ходи к Горлу. Один, с детьми — никак. Даже если услышишь снова.

— Варен уже запретил.

— Я спрашиваю не Варена.

— А если там отец?

— Там не отец.

— Ты не знаешь.

Нара сильнее сжала его ступню.

— Знаю, что твой отец не стал бы прятать тело и звать ребёнка туда, где взрослые не увидят.

Это впервые прозвучало убедительнее голоса.

Керен представил Орека живым за поворотом. Тот вышел бы сам. Рассмеялся, закашлялся, поднял обе руки. Позвал бы Нару, Варена, весь огонь. Не стал бы ждать в Горле, проверяя, пойдёт ли сын один.

— Дай слово, — сказала Нара.

Керен убрал ногу.

— Какое?

— Что не пойдёшь.

— Никогда?

— Пока не найдём того, кто зовёт.

— А если он позовёт другого?

— Зовёшь взрослого.

— Я уже взрослый, когда вам нужно, чтобы я отвечал за правду.

— Сейчас опять начнёшь про рассказ у огня?

— Он был мой.

— И голос зовёт тебя, потому что знает, что ты так думаешь.

Керен встал. Обувь осталась у Нары. Босая нога сразу почувствовала холод камня.

— Ты не веришь мне.

— Я верю, что ты хочешь не пойти.

— Это не одно и то же.

Нара закрыла глаза.

Керен ждал, что она снова потребует слово или позовёт Варена и сделает его отказ общим.

Она только продолжила шить.

— Сядь. Простынешь.

Он сел, но слова не дал.

Через некоторое время к ним подошёл Мирас. Присел у края огня, протянул ладони к теплу.

— Хороший шов.

Нара не ответила.

Мирас посмотрел на Керена.

— В Горле, после первого имени. Сколько он ждал?

— Зачем тебе?

— Вспомнил одну игру.

— Какую?

Мирас провёл пальцем по камню между ними, будто рисовал невидимую черту.

— Когда зовёшь спрятавшегося, нельзя повторять сразу. Повторишь — покажешь, что не видишь его. Нужно оставить пустое место и смотреть, выйдет ли он сам.

Кожа на руках Керена покрылась холодом, хотя огонь был рядом.

— Кто тебя этому научил?

Мирас посмотрел на Нара, потом снова на него.

— Мать.

— Твоя мать была Второй?

Нара резко подняла голову.

Мирас улыбнулся, но улыбка запоздала.

— Моя мать знала много детских игр.

— Это не игра, — сказал Керен.

Мирас встал.

— Теперь уже нет.

Он ушёл прежде, чем Нара успела остановить.

Керен посмотрел ему вслед.

Мирас шёл к своему месту обычным широким шагом. У края света, где камень становился неровным, поставил ноги уже и прошёл три шага почти по одной линии.

Точно как человек у воды.

На четвёртом снова стал собой.

Глава четвёртая. Цена следа

На рассвете Нара разбудила Керена и сунула ему в руки холодный кусок мяса.

— Ешь на ходу.

— Куда?

— С людьми.

У главного огня уже собирались Тарек, Варен и двое охотников. Тарек проверял ремни на древках. Варен сидел у стены и натирал жиром конец своей палки, хотя тот в этом не нуждался. Так он делал, когда предстояло долго идти и ещё дольше спорить.

Керен откусил мясо. Оно оказалось жилистым, с белой полосой замёрзшего жира внутри.

— Я иду с ними?

— Идёшь рядом со мной, — сказала Нара.

— Ты тоже?

— Нет.

Керен перестал жевать.

— Тогда как я пойду рядом с тобой?

Нара затянула на нём ремень через плечо.

— Рядом с теми, кому я тебя отдаю.

— Это не одно и то же.

— Сегодня — одно.

Она повернулась к Тареку:

— Вернёшь его сам.

Тарек поднял глаза.

— Если не будет лезть вперёд.

— Вернёшь, даже если будет.

— Тогда привяжи к Варену. Он медленнее.

Варен не посмотрел на них.

— Я слышу.

— Поэтому и сказал.

Керен улыбнулся. Нара — нет.

Перед выходом она поправила его обувь. После полной перешивки мех стал жёстким и давил возле пятки.

— Жмёт.

— Разносишь.

— Если вернусь с ногой короче, будет впору.

Нара дёрнула ремень сильнее, чем требовалось.

— Вернёшься с обеими.

Она подтолкнула его к людям.

Они вышли до полного света.

У Горла ещё лежал ночной холод. Белая крошка под ногами не успела осыпаться от дневного ветра и держала мелкие следы лучше обычного.

Тарек нашёл первый возле поворота, где накануне Нара прижимала Керена к стене.

След был не ногой.

По каменной пыли тянулась полоса от чего-то мягкого, проведённого вдоль стены: одежды, ладони или меховой обмотки. Начиналась высоко и постепенно опускалась, будто человек двигался пригнувшись.

— Здесь стояли, — сказал один из охотников.

— Или проходили, — возразил Варен.

— Стояли. Слушали.

Тарек приложил ладонь к стене рядом с полосой.

— Человек держался в тени выступа. Отсюда тропу видно, а снизу его — нет.

Керен встал на то место, где находился вчера. Из укрытия действительно можно было увидеть его раньше, чем он увидел того, кто звал.

— Он ждал нас.

Тарек посмотрел на него.

— Тебя.

Слово неприятно легло между лопатками.

Выше по Горлу след разделялся у россыпи камней. Один путь спускался к старому звериному проходу, где человеческие отпечатки быстро смешивались с копытами. Второй выходил на длинный голый скальный лоб, не сохранявший ничего.

Тарек выбрал звериный проход.

— Почему не камень? — спросил Керен.

— Камень никуда не денется. Зверь уйдёт.

Они спустились на четвереньках по узкому желобу. Здесь пахло мокрой шерстью и старым помётом. Сотни копыт выбили землю в одну общую борозду, и отдельного человеческого шага почти не осталось.

Тарек двигался медленно, временами останавливаясь и касаясь земли кончиками пальцев.

Керен тоже смотрел.

Сначала видел только копыта. Потом заметил место, где один отпечаток был смят не зверем. Земля продавилась длиннее, чем должна была под круглой ногой животного. Рядом лежал оборванный волос с меховой обмотки.

— Здесь.

Тарек уже наклонялся к тому же месту.

— Что?

Керен показал.

Тарек поднял волос, растёр пальцами и понюхал.

— Человеческое.

Керен почувствовал короткую гордость.

— Значит, я нашёл раньше тебя.

— Я увидел по твоему лицу.

— Это считается?

— Для меня — да.

— Для Варена?

Тарек спрятал волос в маленький кожаный мешок.

— Варен сначала спросит, видел ли я твоё лицо сам.

Шедший выше Варен услышал.

— Правильно сделает.

Тарек выпрямился.

— Человек вошёл в звериный проход, чтобы смешать след.

— Это видно, — сказал Варен.

— Наконец.

— Не радуйся. Видно, что человек использовал звериный след. Не видно зачем.

— Чтобы мы не нашли.

— Или чтобы мы не убили.

Тарек отвернулся.

— Осторожный чужой и охотник оставляют одинаковую ногу.

— Пока один из них не нападёт.

— Тогда узнаем.

— Тогда будет поздно.

Керен шёл между ними. Следы менялись, но спор всё время возвращался в одно место: Варен хотел дожидаться действия, Тарек — пережить его начало.

Звериный проход вывел их на открытый склон.

Далеко внизу двигался табунок — семь животных, может быть восемь. Они шли медленно, против ветра, не чувствуя людей.

Один из охотников опустил на колено.

— Успеем перерезать у седловины.

Тарек смотрел на животных. Керен видел, как решение уже собирается в его теле: плечи чуть подались вниз, стопа развернулась к склону, рука проверила древко.

Охота была там.

След уходил в другую сторону — вверх, к голому камню.

— Тарек, — позвал охотник.

Табунок продолжал идти.

В лагере оставалось мяса на несколько дней. Ночью Керен слышал, как Нара с Селун пересчитывали сухие связки. Зимой зверь мог уйти окончательно.

Тарек посмотрел на Варена.

— Если пойдём за мясом, ты скажешь, что я оставил неизвестного у Горла.

— Не скажу.

— Если пойдём за следом, вечером дети будут грызть ремни.

— Возможно.

— Выбирай.

Варен опёрся на палку.

— Ведёшь ты.

Тарек выругался.

Приказ был бы легче. Варен оставил решение ему.

Табунок приближался к седловине. Ещё немного — и ветер переменится.

Тарек посмотрел на Керена.

— Что видишь?

Керен не ожидал вопроса.

— Зверя.

— Ещё.

— След уходит вверх.

— Что опаснее?

Керен посмотрел на далёкие спины животных, затем на каменный лоб.

— Не знаю.

— Хорошо, — сказал Варен.

Тарек резко повернулся к нему.

— Перестань хвалить людей за незнание.

— Я хвалю тех, кто не прячет его под ответом.

Тарек снова посмотрел на табунок.

— Идём вверх.

Охотник рядом с ним сжал зубы, но подчинился. Керен оглядывался, пока животные не скрылись за седловиной.

На каменном лбу след исчез.

Тарек обошёл его снизу, потом сверху. Люди разошлись цепью, проверяя каждое место, где можно было снова ступить на землю.

К полудню нашли три схода.

Первый оказался старым: в пыли лежала целая паутина.

Второй принадлежал зверю.

Третий находился там, где случайный человек не стал бы спускаться. Узкая трещина вела к уступу, скрытому снизу. На краю осталась свежая светлая царапина.

Тарек присел.

— Вот.

— Человек знал, где сойти, — сказал Варен.

— Знал наши камни.

— Или долго смотрел.

— Это одно и то же.

— Нет.

Тарек ударил ладонью по колену.

— Он меняет шаг. Берёт голоса. Знает тропы. Уводит зверя от воды. Зовёт ребёнка.

Сколько частей тебе нужно, чтобы назвать целое?

— Столько, сколько есть.

— Они уже есть.

— Тогда назови, что именно произошло у воды.

Тарек открыл рот.

Керен ждал.

— Не знаю.

Варен кивнул.

— Теперь можно идти дальше.

Тарек поднялся слишком быстро. Правое колено не выдержало, он качнулся и опёрся рукой о камень.

Керен заметил.

Тарек тоже понял, что мальчик увидел.

— Скажешь Наре — оставлю здесь.

— Она и так знает про колено.

— Не знает, насколько.

— Теперь знаю я.

— Оттого и опаснее.

Керен хотел ответить, но снизу донёсся крик.

Один из охотников показывал на седловину.

Табунок вышел на другую сторону склона, дальше, чем прежде. Животные уже бежали. Кто-то или что-то подняло их за гребнем.

Через несколько мгновений они исчезли.

Тарек долго смотрел вслед.

— Его там не было, — сказал охотник. — Мы могли взять двух.

Тарек ничего не ответил.

К вечеру они вернулись без мяса.

У входа их встретили младшие. Один спросил, где добыча. Другой заглянул за спины взрослых, будто зверя могли нести там невидимым.

Нара посмотрела на Керена, пересчитала руки, ноги, лицо и только потом перевела взгляд на пустые древки.

— Ничего?

Тарек прошёл мимо.

У главного огня Селун разделила оставшееся мясо. Куски стали тоньше вчерашних. Старик отдал часть детям, делая вид, что не голоден.

Тарек сел у выхода. Варен опустился на своё место возле сухой стены. Некоторое время они молчали.

— Мы отдали день тому, кого не нашли, — сказал Тарек.

Варен снял обувь и начал вытряхивать каменную крошку.

— Да.

— И мясо.

— Возможно.

— Не возможно. Зверь прошёл перед нами.

— Я видел.

— Зима не станет ждать, пока мы дадим неизвестному правильное имя.

Варен вытряхнул последний камешек.

— И мёртвый не станет ждать, пока мы признаем, что дали ему неправильное.

Тарек встал. Несколько человек повернули головы.

— Ты всё время говоришь о мёртвом. А я пытаюсь сохранить живых.

— Поэтому и не даю тебе ударить того, кого ты ещё не увидел.

Тарек смотрел так, будто хотел сказать больше.

Не сказал.

Поднял древко и ушёл к ночной страже. Правую ногу ставил осторожнее левой.

После еды Мирас позвал Керена на нижнюю площадку.

— Зачем?

— Там есть пыль.

— Это причина?

— Для того, что покажу, — да.

На площадке обрабатывали камень. Белая пыль лежала ровным слоем и сохраняла каждый шаг до первого ветра.

Мирас провёл ногой полосу.

— Пройди.

— Как?

— Как Тарек.

— Зачем?

— Ты весь день ходил за ним. Посмотрим, что видел.

Керен встал в начале полосы, расставил ноги шире, опустил плечи и чуть согнул правое колено.

Мирас усмехнулся.

— Он не настолько хромает.

— Сегодня хромал.

— Сегодня устал.

— Значит, я иду как сегодняшний Тарек.

Керен сделал десять шагов. Старался сильнее ставить пятку, правой ногой двигал осторожнее. На последнем шаге повернул голову к воображаемому склону.

— Ну?

Мирас присел над отпечатками.

— Лицом был похож.

— След лиц не держит.

— Вот именно.

Он показал на пыль.

— Здесь Керен, который притворяется тяжёлым. Пятку вбил, а всё остальное осталось прежним.

— Что остальное?

Мирас положил ладони ему на бока, ниже рёбер. Керен отдёргнулся.

— Стой спокойно. Я не кусаюсь.

— Не знаю.

— Правильно. Но сейчас не буду.

Мирас немного развернул его таз.

— Тяжёлый человек не только давит вниз. Он несёт вес широко. Колени идут не друг за другом. Таз держит ношу. Попробуй.

Керен прошёл снова.

— Лучше. Но ты думаешь о каждой ноге отдельно. Шов видно.

— Какой шов?

— Между тобой и тем, кого показываешь.

Мирас сам вышел на пыль.

Первые шаги сделал походкой Тарека: широко, устойчиво, правую сторону берёг почти незаметно.

Потом не остановился.

Ноги постепенно сошлись ближе. Пятка перестала ударять первой, вес начал переходить мягко, через середину стопы. Плечи освободились.

К концу полосы по пыли шёл человек с тропы у воды.

У Керена похолодела спина.

— Это ты.

Мирас повернулся.

— Всё время был я.

— Но след другой.

— След — не человек.

— Тарек говорит иначе.

— Тарек говорит, что след показывает движение.

— Варен говорит, что движение не показывает всё.

— Оба правы. Оттого и ругаются.

Мирас вернулся к началу и стёр отпечатки ног.

— Теперь ты.

Керен попробовал. Переход получился резким: на пятом шаге пришлось почти остановиться, чтобы поставить ноги уже.

Мирас бросил ему маленький камень.

Керен поймал.

— Ещё раз. Пока идёшь, перекладывай из руки в руку. На ноги не смотри.

— Зачем?

— Чтобы голова мешала чему-нибудь другому.

На третьем шаге Керен уронил камень. На шестом сбился. На восьмом засмеялся, потому что Мирас за спиной изобразил Тарека:

— Пятка. Таз. Ты опять придумал удар.

Голос получился похожим, но слишком низким.

Керен обернулся.

— Он так не говорит.

— Значит, плохо слышал.

— Ты сказал «пятка» раньше, чем вдохнул. Тарек сначала втягивает воздух носом.

Мирас перестал улыбаться.

— Хорошо слышишь.

— Лучше тебя.

— Пока.

Они попробовали снова. На этот раз Керен прошёл всю полосу. Переход оставался заметным, но уже не требовал остановки.

— Ещё несколько зим — и сможешь обмануть ребёнка.

— Я сейчас ребёнок.

— Поэтому знаешь, насколько это легко.

Керен посмотрел на стёртые следы.

— Зачем ты меня учишь?

Мирас сел и взял недоделанный отщеп.

— Тарек учит тебя читать. Полезно знать, что читаемое умеет лгать.

— След не лжёт.

— След — нет. Нога может.

— Ты сказал, что твоя мать знала игры Вторых.

Камень в руках Мираса щёлкнул. От него отделилась тонкая пластинка.

— Знала.

— И ждать после имени?

— Да.

— И ходить так?

— Да.

— Тогда она была одной из них.

Мирас приложил отщеп к свету, проверяя край.

— Она жила среди Первых.

— Я не это спросил.

— Другого ответа у меня нет.

Керен поднял оброненный камешек.

— Есть. Ты не хочешь говорить.

Мирас посмотрел на него.

— Варен научил?

— Ты.

Несколько мгновений они сидели молча.

Потом Мирас произнёс короткое слово. Оно было мягким, почти без твёрдых звуков. У Первых так не складывали рот.

— Что это?

— Скажи.

Керен повторил.

— Плохо.

— Ты голос Тарека тоже сделал плохо.

Мирас произнёс медленнее и показал, как язык касается зубов, сразу уходя назад. Керен попробовал ещё раз.

— Теперь ближе.

— Что значит?

— «Подхожу без оружия». Иногда — «я свой для разговора».

— Чьё слово?

— Вторых.

Керен почувствовал страх и удовольствие одновременно. Слово уже было запретным, хотя никто его не запрещал: Варен не знал, что Керен его знает.

— Когда говорить?

— Не говорить.

— Зачем учил?

— Чтобы узнать, если услышишь.

— А ответить?

Мирас отложил камень.

— Только после того, как тебе сказали первым. Никогда не начинай сам.

— Почему?

— Тогда ты не отвечаешь. Ты зовёшь.

— Кого?

— Того, кто знает ответ.

— А если он свой?

— У вашего огня нет своих, которые ответят.

— Ты ответишь.

Мирас не улыбнулся.

— Я сказал: не начинай.

— А если нужно проверить?

— Особенно тогда.

Керен повторил слово одними губами.

— Ты ведь уже отвечал?

Мирас поднялся.

— Тебя ждёт мать.

— Это не ответ.

— Сегодня у тебя их слишком много.

Он пошёл вверх.

Керен смотрел ему вслед. Мирас шёл обычной походкой Первого, но теперь было видно, сколько в ней выбора.

Ночью Керен проснулся от собственного имени.

Он сел раньше, чем понял: голос назвал не его.

У входа стоял Тарек. За границей света лежала темнота. Огонь горел низко, и на стену падала длинная тень с копьём.

Голос пришёл из Горла.

Ореков.

Он не позвал человека. Произнёс три слова:

— Не раньше шага.

Тарек приготовился к удару.

Керен узнал всё сразу: пятка разгрузилась, вес ушёл вперёд, пальцы на древке отпустили и сжались. Остриё поднялось к темноте.

Голос умолк.

Тарек стоял, готовый метнуть копьё туда, где никого не видел.

Керен сбросил шкуру и поднялся. Рядом встала Нара. У сухой стены задвигался Варен. Люди просыпались один за другим, но никто не говорил громко.

— Что было? — спросил Варен.

Тарек не опустил копья.

— Голос.

— Чей?

— Орека.

— Что сказал?

Тарек смотрел в темноту.

— Охотничье.

— Слова.

— Про удар.

— Точные слова.

Тарек медленно опустил наконечник.

— «Бей вернее».

Керен посмотрел на него.

— Он сказал не так.

Нара положила ладонь сыну на плечо, но тот уже вышел ближе к огню.

Тарек повернул голову.

— Иди спать.

— Он сказал: «Не раньше шага».

Варен перевёл взгляд с мальчика на Тарека.

— Ты слышал?

— Да.

— Все три слова?

— Все.

— Может, спросонья?

— Я проснулся на первом.

Тарек сжал древко.

— Смысл один.

— Нет.

— Тебе откуда знать?

— «Бей вернее» — это ударить. «Не раньше шага» — ждать.

Огонь треснул. Один уголёк вылетел на камень и погас.

Тарек шагнул к Керену. Нара встала между ними.

— Он повторил то, что слышал.

— Он повторяет то, чего не понимает.

— Тогда объясни, — сказал Варен.

Тарек посмотрел на старика.

— Нечего объяснять.

— Почему изменил слова?

— Мальчику не нужно носить их в голове.

— Но ты носишь.

Правая рука Тарека побелела на древке.

— Это между мной и мёртвым.

— Мёртвый только что вынес это к нашему огню.

— Не мёртвый.

— Тогда кто знает его голос и эти слова?

Тарек снова посмотрел в Горло.

На его лице был не страх перед темнотой. Страх уже находился внутри и только получил голос снаружи.

— На рассвете идём туда.

— Кто? — спросил Варен.

— Все, кто держит копье.

— На голос не ходят.

— Голос уже пришёл к нам.

— При свете.

— При свете.

Варен долго молчал.

— Горло осмотреть можно. Убивать того, кого не увидели, нельзя.

— Ты повторяешь это, будто оно всегда возможно.

— А ты ведёшь себя так, будто однажды уже оказалось невозможным.

Тарек вскинул голову. Нара резко посмотрела на Варена.

Остальные не поняли, что произошло между ними.

Керен понял только одно: Варен задел то самое место, которое голос назвал тремя словами.

Тарек отвернулся.

— Соберу людей до света.

Он вернулся к границе огня.

Керен лёг, но больше не уснул.

Время от времени Тарек менял руку на копьё: разжимал правую, растирал пальцы и снова сжимал.

До рассвета он ни разу не посмотрел на Керена.

Глава пятая. За светом

Тарек вернулся из Горла к полудню.

Копьё нёс на плече. Остальные шли следом молча, и уже по тому, как никто не посмотрел на разделочный камень, Керен понял: не нашли ни человека, ни стоянки, ни мяса.

— Что было?

Тарек прошёл мимо.

Один из охотников остановился у огня и снял обувь. Между пальцами белела каменная пыль.

— Старое кострище. Холодное.

— Насколько старое?

— Настолько, что Тарек успел на него разозлиться.

Тарек бросил копьё к стене.

— Там не сидели ночью.

— Значит, голос пришёл издалека?

Охотник пожал плечами.

— Или тот, кто звал, не разводит огня.

— Или ушёл раньше нас, — сказал Тарек.

Варен вернулся последним. Сел у сухой стены, вытянул больную ногу и только тогда заговорил:

— Мы нашли место, откуда можно говорить в Горло, не подходя близко. Камень возвращает голос вниз.

— Далеко? — спросил Керен.

— Достаточно.

— Тогда он мог видеть нас?

— Нет.

— А слышать?

Варен посмотрел на него.

— Возможно.

Нара поставила перед сыном миску жидкого отвара.

— Хватит.

— Я только спросил.

— Теперь ешь.

Она не отошла, пока он не взял миску.

После утреннего выхода Варен изменил порядок охраны. До темноты люди должны были проверить верхнюю тропу, воду и старый звериный проход. Стражу у входа удвоили. Младших собрали у внутреннего огня и велели не расходиться.

Следить за ними поручили Керену.

— Я умею держать древко, — сказал он Тареку.

— Они тоже умеют держать то, чего им не дают.

— Я ходил с вами.

— Ходил.

— Нашёл след.

— Нашёл.

— Услышал голос точнее тебя.

Тарек повернулся.

Керен понял, что сказал лишнее, но забрать слова уже не мог.

— Поэтому останешься здесь.

— Почему?

— Голос зовёт тебя, а ты всё ещё думаешь, что от этого стал нужнее остальных.

— Он знает не только меня.

— Но пошёл ты.

— На один шаг.

— У обрыва одного хватает.

Тарек забрал копьё и вышел к людям.

Керен смотрел ему вслед. Правая нога охотника снова двигалась почти ровно. Тарек заметил, что мальчик следит за хромотой, и теперь скрывал её.

Нара принесла связку кожаных кукол — маленьких, грубо набитых сухой травой. Ими младшие играли в зимнюю стоянку.

— Посади их в круг. Пусть не бегают.

— Я не старуха.

— Старухи умнее. Поэтому их слушают.

— Меня не будут.

— Тогда придумай.

Она коснулась его левого плеча. Не удерживала — просто проверила, что он здесь.

— До нашего возвращения не выходи за внутренний камень.

— Даже к нужнику?

— Скажешь Селун. Она выведет.

— Я не младший.

— Сегодня младший.

Нара ушла вместе с остальными.

Керен сел у огня.

Младшие сразу заспорили, кому достанется кукла с костяным ножом. Один мальчик спрятал её под одежду. Девочка рядом закричала, что он Второй и украл чужое лицо. Остальные засмеялись.

— Не называй так.

— Он украл.

— Нож, не лицо.

— Тогда он вор.

— Это можно.

Мальчик показал язык.

Керен отобрал куклу и отдал девочке. Мальчик ударил его в руку. Керен ответил — слабее, чем хотелось, но тот всё равно заревел.

Селун подняла голову от корней.

— Хорошо сторожишь.

— Он первый.

— Тогда ты второй.

Она вернулась к работе.

Керен посадил плачущего у стены и сунул ему другую куклу. Через несколько мгновений тот уже играл.

За внутренним огнём Мирас сортировал каменные заготовки. Работал один и время от времени смотрел к выходу, хотя там давно никого не было.

Потом поднялся и пошёл к нижнему камню.

Керен следил.

Мирас остановился, присел, коснулся земли двумя пальцами. Со своего места Керен не видел, что лежит перед ним, но заметил быстрый взгляд через плечо.

И то, как Мирас спрятал что-то в ладони.

Керен встал.

— Сиди, — сказала Селун.

— Я к Мирасу.

— Он сам придёт.

Мирас уже возвращался. Прошёл мимо, не взглянув на Керена, сел на прежнее место и снова взялся за камень.

— Что там было?

— Где?

— У нижнего камня.

— Пыль.

— Ты спрятал её?

Мирас ударил по заготовке. Откололся неровный край.

— Показалось.

Керен подошёл ближе.

— Знак?

Мирас поднял глаза.

— Тише.

— Значит, знак.

— Иди к детям.

— Куда указывает?

— Никуда.

— Покажи.

— Нет.

Мирас снова ударил по камню.

Керен смотрел на закрытую ладонь.

— Ты сказал Варену?

— Нет.

— Почему?

— Не всякий поставленный камень зовёт Варена.

— Этот зовёт тебя?

Мирас сжал губы.

— Керен.

— Что там написано?

— Камни не пишут.

— Ты понял.

Мирас отложил заготовку.

— Кто-то оставил знак безопасного разговора. Не для тебя.

— Откуда знаешь?

— Потому что знаю.

— А вчера говорил — детские игры.

— Вчера ты меньше спрашивал.

— Вчера ты меньше лгал.

Мирас резко схватил его за запястье.

Не больно, но пальцы легли точно туда, где рука была слабее всего.

— Послушай. Люди вышли на тропы. Тарек хочет найти того, кого можно ударить. Варен — то, чего можно не называть. Если сейчас принести им знак, они придут к нему вместе со своими страхами. И что бы ни стояло за камнем, разговора не будет.

— А если там тот, кто звал меня?

— Тем более.

— Ты его защищаешь?

— Я защищаю возможность узнать.

— Тогда узнай.

Мирас отпустил руку.

— Не сегодня.

— Почему?

— Знак свежий. Тот, кто оставил, может смотреть.

Керен посмотрел к выходу.

— Откуда?

— Не знаю.

— Во сне человек понял, что я смотрю.

Мирас замер.

— Что?

— Ничего.

Керен вернулся к детям.

Решение уже складывалось внутри.

Оно не казалось нарушением. Варен запретил отвечать голосу. Камень не был голосом. Нара запретила выходить за внутренний камень, но думала, что он пойдёт к Горлу. Керен мог дойти только до нижнего знака, посмотреть направление и вернуться.

Он не собирался ни с кем встречаться.

Только узнает, что спрятал Мирас.

Вечером расскажет Варену. Не как ребёнок, заметивший тень, а как тот, кто принёс точный знак.

Возможно, Тарек впервые выслушает его до конца.

Керен дождался, когда Селун повела двух младших к нужнику, а Мирас ушёл за водой для каменной пыли. У огня осталось четверо детей.

Старшему он сказал:

— Я до нижнего камня.

— Нара не велела.

— Мне велела проверить.

— Не велела.

— Ты слышал?

Мальчик задумался.

— Нет.

— Тогда откуда знаешь?

— Она всегда не велит.

Керен достал из-за пазухи маленький кусок вяленого мяса — свою вечернюю долю.

— Половина сейчас. Половина, когда вернусь.

— За что?

— Следи, чтобы младшие не вышли.

— А Селун?

— Скажешь, я отошёл по нужде.

— Она пойдёт искать.

— Не говори, пока не спросит два раза.

Мальчик взял мясо.

Керен перекинул через плечо короткое древко, положил в ладонь гладкий камень для ответа и вышел.

За границей света было холоднее, чем он ожидал.

Не потому, что день остыл. В Южном рту находились люди, дым и знакомые запахи. Снаружи ничто не удерживало тепло.

Керен быстро спустился к нижнему камню.

Знак оставался на месте.

Малый тёмный камень стоял на светлом. Рядом шли две короткие царапины. Первая указывала к Горлу, вторая — к сухой тропе над водой.

Под знаком лежал плоский осколок с тремя насечками.

Керен не знал их значения.

Мирас знал.

Он взял осколок и положил вместо него свой гладкий камень.

Так делали в игре: нашёл — ответил.

Керен уже собирался идти обратно, когда из Горла позвал голос Орека.

— Керен.

Он замер.

Не повернулся.

Голос кашлянул.

Один раз, сердито — точно как отец перед дальним зовом.

У Керена свело живот.

Варен был прав. Тот, кто слушал, научился.

— Кер, — повторил голос.

Теперь имя было истёрто правильно. Середина исчезла, последний звук прозвучал мягко.

Так звал Орек.

Керен сжал древко.

Он не пойдёт.

Только проверит знак.

Малый камень указывал к Горлу, но камень не был голосом. Мирас научил слову без-опасного приближения. Если из темноты ответят, Керен узнает, что там человек, и вернётся за взрослыми.

Это не выход на голос.

Это проверка.

Керен дошёл до устья Горла.

Камень там был мокрым. Расколота вода звучала далеко, но стены подхватывали гул и передавали внутрь. Свет уже серел. За первым поворотом начиналась темнота.

Керен остановился так, чтобы видеть дорогу назад.

Голос больше не звал.

Он произнёс слово, которому научил Мирас.

Тихо, почти одними губами.

Из темноты ответили тем же словом.

Правильно.

У Керена ослабли колени.

— Покажись.

Ответа не было.

— Я позову взрослых.

Тень отделилась от стены.

Сначала показалась рука. Пустая ладонь была поднята к Керену, пальцы разведены: оружия нет. Потом из-за камня вышло лицо взрослого мужчины.

Незнакомое.

Чуть склонённое набок.

Мужчина остановился в нескольких шагах.

— Ты знаешь наше слово.

Голос был не Ореков. Собственный голос мужчины звучал выше и суше.

— Ты звал меня голосом отца?

— Ты пришёл на голос, который узнал.

— Это не ответ.

— Ответ привёл тебя сюда?

Керен вспомнил слова Варена.

Голос — голос. Не человек.

Посмотрел на рот мужчины, на грудь, поднимавшуюся под одеждой, на открытую ладонь.

Всё выглядело спокойно.

Потом вспомнил сон.

Не лицо.

Ноги.

Правая стопа мужчины стояла поперёк тропы. Не прямо перед Кереном — чуть сбоку, за линией, по которой тот мог отступить. Пока рука показывала безопасность, нога уже отрезала короткий путь наружу.

Верх тела встречал.

Низ удерживал.

Керен поднял древко.

— Убери ногу.

Мужчина не посмотрел вниз.

— Какую?

— Ту, которой закрыл тропу.

На его лице что-то изменилось.

Не страх.

Интерес.

— Тарек научил?

— Отойди.

— Тарек научил смотреть на ноги. Мирас — менять их.

Керен крепче сжал древко.

— Ты знаешь Мираса.

— Я знаю, чему он не перестал учиться.

— Кто ты?

— Тот, кто хотел поговорить.

— Зачем голос отца?

— Иначе ты не пришёл бы.

— Тогда ты не хотел говорить. Ты хотел привести меня.

Мужчина едва улыбнулся.

— Есть разница?

— Есть.

Керен отступил.

Верх тела мужчины не двинулся. Плечи остались расслабленными, ладонь — открытой.

Нога скользнула по камню и снова закрыла путь.

Керен ткнул древком.

Мужчина ушёл от удара легко. Не назад — вокруг древка, оказавшись ближе.

Керен развернулся к выходу.

Левая ступня попала между двух мокрых камней. Он дёрнул её, но обувь застряла. Тело уже поворачивалось, а стопа осталась носком наружу.

Над щиколоткой коротко хрустнуло.

Боль вспыхнула белым.

Керен упал на бок, ударился рёбрами о каменный край. Воздух вышибло. Древко отлетело и зазвенело о стену.

Он попытался подняться.

Левая нога не удержала. От первого прикосновения к земле боль поднялась до колена.

Керен закричал.

Мужчина не бросился к нему. Присел на расстоянии вытянутой руки и посмотрел сначала на ногу, потом на кровь, проступившую на боку.

Так Тарек смотрел на раненого зверя: сколько ещё может двигаться.

— Не трогай.

— Не буду.

Мужчина поднял древко.

— Отдай.

— Ты всё равно не встанешь.

Сказал спокойно, без насмешки.

Керен нащупал в ладони гладкий камень. Можно было бросить в лицо. Закричать.

Из глубины Горла слышались быстрые шаги.

Мужчина обернулся.

Второй человек вышел почти бегом. Двигался неровно: одно плечо ниже другого, левая нога ставилась с небольшой задержкой. Дышал тяжело, не скрывая ни спешки, ни тревоги.

Увидев Керена, сразу опустился рядом.

— Где?

Керен не ответил.

Человек показал обе руки.

— Я коснусь ноги.

— Нет.

— Не буду, пока не разрешишь. Покажи сам, где больнее.

Керен указал на наружную сторону голени над щиколоткой.

Человек провёл ладонью в воздухе, не касаясь.

— Пальцами можешь двигать?

Керен пошевелил. Смог.

— Чувствуешь?

Человек коснулся большого пальца. Керен отдернул ногу и застонал.

— Чувствует, — сказал тот первому. — Кость, похоже, треснула. Не разошлась, но идти не сможет.

— Тем лучше.

Второй поднял голову.

— Что лучше?

— Они придут искать.

— И?

— Поговорим.

— С копьями?

— Сначала придут к ребёнку.

Керен понял.

Его не собирались просто унести. Хотели оставить там, где крик услышат. Нара пойдёт первой, за ней Тарек. Мужчина с пустой рукой уже знал, как они двигаются.

Второй человек тоже понял.

— Нет.

— Он вышел сам.

— Выйти не значит согласиться остаться.
— Ты опять даёшь форму тому, у кого её нет.
— Это ребёнок с переломанной ногой.
— Это путь к разговору.

Второй встал между Кереном и первым.
Не угрожая. Просто занял место.

— Я не оставлю его здесь.
— Тогда понесёшь.
— Понесу.
— И приведёшь Первых к нашему огню.
— Не приведу.
— Как?

Второй не ответил.

Первый усмехнулся.

— Тогда делаем по-моему.
— Следы — твои. Ребёнок — мой.
— Не твой.
— Пока болен — на мне.

Первый перестал улыбаться.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Затем он протянул древко второму.

— Унеси с камня.

Тот опустил его возле Керена.

— Я подниму тебя. Ногу держу снизу. Рукой возьмёшь за шею. Не за плечо — плечо слабое.

— Куда?
— К огню.
— К какому?
— Не к твоему.

Керен потянулся за древком.

Человек позволил взять.

— Он ударит тебя, — сказал первый.
— Может.
— Свяжи ему руки.
— Нет.
— Тогда потеряешь глаз.
— Будет мой.

Второй подложил одну руку под колени Керена, другую — под спину. Когда приподнял повреждённую ногу, боль опять стала белой. Керен вцепился в его одежду и на несколько мгновений перестал видеть.

От человека пахло дымом, незнакомой горькой травой и потом.

Живым телом.

— Дыши. Не держи.

Керен выдохнул.

Первый мужчина уже шёл к выходу. Возле мокрого камня остановился, посмотрел на кровь Керена и оторвал полоску ткани от края его одежды.

— Что ты делаешь?

Мужчина промокнул тканью кровь, провёл ею по камню в сторону верхней тропы.

Потом вернулся, изменив походку.

Теперь ставил ноги широко и тяжело, как Первый с ношей. Прошёл несколько шагов по влажной земле, поднялся на сухой камень и вернулся по нему, не оставляя отпечатков.

Снова сменил движение.

Положил лёгкую цепочку к воде.

Третий путь повёл по звериному проходу.

Керен смотрел на него с рук второго человека.

— Они увидят.

— Увидят.

— Найдут правильный.

— Для этого нужно знать, какой правильный.

Мужчина положил окровавленную ткань у развилки и прижал камнем.

— Твои люди верят следу. Пусть след даст им выбор.

Второй отвернулся.

— Хватит.

Первый поднял пустые руки.

— Я не касаюсь ребёнка.

— Ты касаешься тех, кто пойдёт за ним.

Они ушли в глубину Горла.

Керен держался за чужую шею. Каменные стены проплывали рядом. Каждый шаг отдавался в сломанной ноге. Он пытался запоминать повороты, но боль стирала расстояние.

Перед тем как свет исчез окончательно, Керен обернулся.

У входа стоял первый мужчина.

Верх его тела оставался неподвижным.

Ноги уже прокладывали ещё один след.

Селун спросила о Керене один раз.

Старший мальчик ответил:

— По нужде.

Селун вывела младших к внутреннему камню, вернулась и спросила снова:

— Давно?

Мальчик вспомнил уговор. Второй вопрос уже прозвучал.

— Он пошёл к нижнему камню.

— С кем?

Мальчик посмотрел на половину мяса в руке.

Селун вырвала кусок.

— С кем?

— Один.

Она ударила в подвешенную кость тревоги.

Глухой тяжёлый звук пошёл по Южному рту.

Люди вернулись не сразу: они были на трёх тропах.

Первой пришла Нара.

— Где?

Селун указала вниз.

Нара не стала спрашивать остальное. Схватила копьё и побежала.

У нижнего камня оставался знак. Вместо плоского осколка под ним лежал гладкий камень Керена.

Нара узнала его. Сын носил этот камень с лета, тёр пальцами, когда думал.

От знака след вёл к Горлу.

Древко у устья нашли не сразу. Оно лежало в щели, куда отлетело после падения. На наконечнике крови не было.

Кровь была на камне.
Немного.

Нара опустила руку рядом и приложила ладонь к тёмному пятну, будто могла определить, тёплое ли оно.

Тарек пришёл следом. За ним Варен, Мирас и охотники.

Тарек увидел землю и выругался.

От места падения расходились три пути.

Один шёл вверх тяжёлыми шагами человека, несущего ношу.

Второй — к воде, лёгкий и узкий.

Третий растворялся в зверином проходе.

На каждом находились признаки того, что ребёнка могли унести именно туда: сбитая пыль, смазанная кровь, край ткани, сломанная ветка на высоте человеческого плеча.

— К воде, — сказал Тарек. — Они уйдут по камням.

— Верхний след глубже, — возразил один из охотников. — Там несли.

— Его сделали глубоким.

— Откуда знаешь?

Тарек не ответил.

Мирас стоял возле знака.

— Ты прочёл его, — сказал Варен.

Мирас поднял голову.

— Видел.

— Что он значил?

— Безопасный разговор.

Нара повернулась к нему.

— Безопасный?

Мирас не выдержал её взгляда.

— Для того, кто знает ответ.

— Керен знал?

Мирас молчал.

Нара шагнула к нему. Тарек перехватил её поперёк тела.

— Не сейчас.

— Ты научил его?

— Я хотел, чтобы он узнал слово, если услышит.

— Он слышал.

— Я не велел отвечать первым.

— Он ребёнок!

— Он не хотел им быть.

Нара ударила Мираса кулаком в лицо.

Тот упал на колено и не защитился.

Варен опустился над тремя следами.

Свет уходил. Скоро влажная земля схватится морозом, края отпечатков станут ломкими, кровь потемнеет окончательно.

— Делимся, — сказал Тарек. — Я к воде. Двое вверх. Остальные по зверю.

— В темноте потеряете людей.

— Уже потеряли.

— Поэтому не потеряем ещё троих.

Тарек поднял копьё.

— Я иду.

— Идёшь. Не один.

Варен распределил людей. Каждой группе дал срок вернуться к Горлу. У развилки поставили огни, чтобы обратный путь оставался виден.

Нара пошла к воде.

До полуночи проверили все три направления.

Верхний след оборвался на голом камне.

Лёгкая цепочка у воды закончилась там, где человек должен был войти в ледяной поток или исчезнуть.

В зверином проходе отпечатки смешались с копытами и вывели к пустому склону.

Ни один путь не продолжился.

К рассвету люди вернулись к крови.

Нара не села. Стояла у камня, сжимая гладкий ответный камень Керена.

Тарек смотрел на три ложные дороги.

— Они знали, как мы ищем.

Мирас держал разбитую губу.

— Да.

— Кто?

— Вторые.

Впервые он назвал их сам.

Варен закрыл глаза.

— Тело видел кто-нибудь?

— Нет, — ответила Нара.

— Смерть?

— Нет.

— Значит, он жив, пока мы не узнали обратного.

Нара повернулась к нему.

— Не говори мне правило.

Варен опёрся на палку и поднялся.

— Его место у огня не занимать. Имя не отдавать мёртвым. Поиски продолжать при свете.

— Не называй его историей.

— Нара.

— Он мой сын.

— Поэтому его история открыта.

Она сжала камень так сильно, что край вошёл в ладонь.

Раньше эти слова не позволяли похоронить пропавшего раньше времени. Нара сама повторяла их другим матерям: оставляла место у огня, хранила долю, не давала произнести имя среди мёртвых.

Теперь слова ничего не возвращали.

Перед ней лежали три дороги.

Ни одна не вела к Керену.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТЕ, КЕМ СТАНОВЯТСЯ

Глава шестая. Двойная спина

Керен пришёл в себя, когда чужие руки начали снимать с него обувь.

Глаз он не открыл.

Сначала вернулась боль. Она лежала в левой ноге тяжёлым горячим куском и поднималась почти до колена. Потом появились холод под спиной, дым с незнакомой горечью и голоса, которых не было у Южного рта.

— Ремень режь, — сказал мужчина.

Тот, который нёс его.

Керен узнал неровное дыхание: короткий вдох, затем свистящий выдох.

— Обувь хорошая, — ответил женский голос. — Разрежешь — назад не соберёшь.

— Нога важнее.

— За два вдоха она никуда не денется.

Женщина осторожно распустила узел, затянутый Нарой. Мех потянул кожу. Керен стиснул зубы.

— Проснулся, — сказала она.

Он открыл глаза.

Над ним находились два чужих лица.

Мужчина с кривым плечом сидел возле ног. Рядом стояла женщина с коротко обрванными волосами. Её ладони покрывали белые шрамы, на запястье тянулась полоса старого ожога.

За ними поднимался каменный свод. Огонь горел не там, где должен был. В Южном рту свет всегда лежал у одной стены. Здесь пламя стояло посередине, а за ним виднелась ещё одна темнота.

Два выхода.

Ветер проходил через пещеру насквозь.

Керен дёрнулся. Боль вспыхнула до белого. Он вскрикнул и схватил короткое древко, лежавшее рядом.

Мужчина не попытался отнять его. Только положил ладонь на камень между ними.

— Не вставай.

Керен прижал древко к груди.

— Где я?

Мужчина указал сначала на один выход, потом на другой.

— Между двумя склонами. Мы называем это место Двойной спиной.

— Отнеси меня назад.

— Сейчас нельзя.

— Ты обещал к огню.

— К огню принёс.

Керен посмотрел на чужое пламя.

— Это не мой.

— Знаю.

Женщина коснулась его обуви.

Керен ударил древком.

Она успела отдёргнуть руку, но дерево задело пальцы. Каменного наконечника на нём не было.

Женщина выругалась.

Из-за огня поднялся человек, встретивший Керена в Горле.

Теперь тот был виден целиком: сухой, среднего роста, с длинными руками. Двигался без спешки и не делал ни одного лишнего шага.

— Свяжите ему руки, пока не сломал Мэе палец.

Значит, женщину звали Мэе.

Кривоплечий мужчина повернулся к вошедшему.

— Нет, Вай.

— Он ударил.

— Я видел.

— Ударит снова.

— Тогда отойдём дальше.

Вай остановился у края света. Лицо оставалось спокойным. Ноги стояли так, чтобы при необходимости войти между Кереном и выходом.

Керен заметил это сразу.

— Ты звал меня.

Вай не стал притворяться, что не понял.

— Да.

— Голосом отца.

— Да.

— Верни.

— Что?

— Голос.

Вай слегка склонил голову.

— Он не вещь.

— Тогда не бери его.

— Ты узнал. Значит, я сохранил верно.

Керен попытался приподняться на локте.

Мужчина возле ног показал пустую ладонь.

— Я коснусь ноги. Сначала только пальцев.

— Нет.

— Хорошо.

Он сразу убрал руку.

Мэе присела с другой стороны.

— Если не посмотрим сейчас, кость может разойтись.

— Не трогай.

— Тогда смотри сам.

Она поставила возле огня плоский сосуд с водой, вымыла руки и приложила узкую костяную пластинку к собственной голени.

— Здесь две кости. Большая держит вес. Меньшая идёт снаружи. У тебя болит снаружи?

Керен промолчал.

Мэе показала на его стопу.

— Пошевели пальцами.

Он пошевелил.

— Чувствуешь всё?

Она коснулась большого пальца. Керен дёрнулся.

— Чувствует, — сказал мужчина.

— Не говори за меня.

— Тогда скажи сам.

— Чувствую.

Мэя кивнула.

— Стопа тёплая, пальцы живые. Теперь нужно понять, разошлась ли кость.

Керен крепче прижал древко.

— Я буду держать обувь, — сказал мужчина. — Мэя — ногу. Сначала назовём каждое движение. Внезапно ничего не сделаем.

— Зачем?

— Чтобы ты знал, что будет дальше.

— Вы всё равно сделаете.

— Да. Иначе нога может срастись криво. Но знать заранее лучше, чем не знать.

Керен посмотрел на Вая.

Тот стоял у огня и наблюдал.

— Пусть он уйдёт.

— Вай, — сказал мужчина.

— Я не подхожу.

— Уйди за огонь.

Вай не двинулся.

Мэя подняла голову.

— Он попросил.

Вай перевёл взгляд на неё, потом отошёл в дальнюю часть пещеры. Остался виден, но больше не стоял над Кереном.

Просьба что-то изменила.

Совсем немного.

Этого хватило.

— Снимайте.

Мужчина распустил последний ремень. Мэя придерживала пятку. Обувь сошла медленно, вместе с засохшей кровью.

Нога распухла с наружной стороны над щиколоткой. Стопа оставалась прямой. Кость не торчала, сустав не был вывернут.

Мэя провела пальцами вокруг опухоли, не нажимая на середину.

— Здесь?

— Нет.

— Здесь?

— Нет.

Она коснулась выше.

Керен закричал и ударился затылком о камень.

Мужчина сразу убрал руки.

— Всё.

Мэя покачала головой.

— Нужно ещё проверить сустав.

— Потом.

— Сейчас.

— Он уже показал место.

— Сави.

Так звали мужчину.

Сави наклонился к Керену.

— Последнее движение. Она возьмёт пятку и совсем немного повернёт стопу. Если боль пойдёт в сустав — плохо. Если останется выше — лучше.

— Ничего здесь нет лучше.

— Есть то, что заживает, и то, что не даст ходить.

Керен закрыл глаза.

— Делайте.

Мэя взяла пятку и едва повернула стопу внутрь.

Боль ударила выше щиколотки, но сам сустав не ушёл в сторону.

— Хватит, — сказал Сави.

Мэя отпустила.

— Наружная кость треснула. Похоже, не разошлась. Сустав держится.

— Сколько?

— Долго.

— Сколько?

Мэя посмотрела на Сави.

— Несколько десятков дней без веса. Потом понемногу.

— Я пойду раньше.

— Тогда кость разойдётся и срастётся хуже.

— Дома срастётся.

Никто не ответил.

Мэя принесла две ровные деревянные планки, обернула ногу мягким сухим мхом и закрепила снаружи и изнутри. Каждый виток ремня сначала показывала Керену.

Когда она затянула последний, боль стала ровнее. Не исчезла, но перестала двигаться внутри ноги.

Сави положил рядом свёрнутую шкуру.

Не накрыл.

Оставил так, чтобы Керен мог взять сам.

— Ночью станет холоднее.

— Развяжите ногу.

— Нет.

— Тогда это тоже верёвка.

Сави посмотрел на лубки.

— Это держит кость, не тебя.

— Всё, что держит, так говорит.

У огня тихо усмехнулся Вай.

Сави обернулся.

— Что?

— Ничего.

— Тогда не давай голос ничему.

Вай ушёл к дальнему выходу.

Керен запомнил, что Сави не позволил ему смеяться.

Ночью Керен притворился спящим.

Сначала рядом находилась Мэя. Она меняла мокрую ткань на его боку и проверяла, не идёт ли кровь. Потом её сменил незнакомый старик. Подложил полено в огонь и ушёл.

Никто не оставался надолго.

Запахи менялись. Шаги менялись. Даже шкуру поправляли разные руки.

У Первых ночью всегда можно было понять, кто отвечает за огонь. Если дежурил Тарек, древко время от времени стучало о камень. Нара тихо напевала без слов, думая, что никто не слышит. Варен кашлял перед тем, как подняться.

Здесь люди подходили и уходили без порядка, который Керен мог узнать.

Он дождался, пока рядом никого не осталось, и потянулся к шкуре.

Забрал сам.

Сразу стало теплее.

Потом за огнём заговорили.

— До утра он сможет уйти только ползком, — сказал Вай. — Руки нужно связать не ради нас.

— Он держит древко, — ответил Сави. — Если связать, проснётся пленником.

— Он и есть пленник.

— Нет.

— Может уйти?

Сави не ответил.

— Вернуться к своим?

Снова молчание.

— Значит, пленник, которому вы не называете его положение.

Керен приоткрыл глаза.

Вай сидел у дальнего края огня. Рядом находились Сави, Мэя и пожилая женщина с седыми прядями у висков. Она держала руки на коленях и ни на ком не задерживала взгляд надолго.

— Его принесли раненым, — сказал Сави.

— Его принесли с дорогой в голове, — возразил Вай. — Он знает Южный рот. Где спят дети. Где меняют стражу. Где вода подходит к стене. Их охотники пошли по ложным следам именно так, как должны были. Теперь мы знаем, сколько их, как быстро они собираются и кто ведёт.

Керен сжал древко.

Вай говорил о нём не как о ребёнке.

Как о входе.

— Ты уже получил достаточно, — сказала седая женщина.

— Моро, я ничего не получил. Только увидел то, что они сделали сами.

— Ты сделал три дороги.

— А они показали, как читают каждую.

— Ты хотел привести их к Горлу, — сказал Сави.

— Хотел поговорить.

— С копьями в руках?

— Их копия всегда в руках.

— Поэтому использовал ребёнка.

Вай повернулся к нему.

— Ребёнок вышел сам.

— На чей голос? — спросила Моро.

Вай замолчал.

Мэя перестала очищать нож от смолы.

— Скажи, — потребовала Моро.

— Голос уже был у меня.

— Чей?

Вай посмотрел на лежащего Керена.

Керен закрыл глаза.

— Орека.

Даже под опущенными веками он почувствовал, как изменился воздух.

— Орек, — тихо повторила Моро.

Её голос дрогнул.

Только один раз.

— Ты знала его? — спросил Сави.

Моро не ответила. Продолжала смотреть на Вая.

— Ты взял голос умершего и позвал им его сына.

— Голос сработал.

— Я не спрашиваю, сработал ли.

— Тогда о чём?

Моро наклонилась вперёд.

— Когда обвалился северный ход, ты взял голос Сарина и вывел троих детей из дыма.

Он знал проход. Ты нёс его знание и продолжал его работу. Люди пошли за знакомым голосом, потому что ты делал то, что сделал бы он.

— Они выжили.

— Да.

Вай не отвёл глаз.

— Значит, голос может спасать.

— Может, если вместе с ним берёшь долг.

— Какой долг Орека я должен был взять?

— Не знаю. Ты тоже не знаешь. Поэтому не имел права становиться им только там, где его голос открывал тебе ребёнка.

— Я не становился им.

— Тогда украл полезную часть.

Вай усмехнулся.

— Голос — воздух.

— Тогда дыши своим.

Никто не заговорил.

Керен приоткрыл глаза.

Вай сидел неподвижно, но указательный палец правой руки дважды ударил по колену.

Заметил ли Сави, Керен не понял.

— Что делать с ребёнком? — спросила Мэя.

— Лечить, — сказал Сави.

— Потом?

— Спросить его.

— Пока он лежит у нашего огня, он слышит нас, — вмешался Вай. — Видит входы. Считает людей.

Керен снова закрыл глаза.

— Он ребёнок, — сказала Мэя.

— Дети считают лучше взрослых. Взрослые думают, что уже поняли.

— Хочешь допрашивать его сейчас? — спросила Моро.

— Хочу узнать, что он знает.

— Сейчас он знает боль и то, что мы не отпускаем домой, — сказал Сави. — Спросишь — даст тебе страх. Надавишь сильнее — скажет то, что, по его мнению, тебя остановит. А ты назовёшь это правдой.

Вай посмотрел на него.

— Что предлагаешь?

— Вернуть ему возможность выбирать ответ.

— Как?

— Не связывать. Не брать голос отца. Не стоять над ним всем кругом. Вылечить.

— А потом он выберет вернуться.

— Может быть.

— И расскажет о нас.

— Может быть.

— Ты защищаешь его от нас лучше, чем нас от него.
Сави опустил голову. Даже сидя, держал левое плечо ниже правого.
— Сейчас опаснее мы.
Вай рассмеялся без звука.
— Потому что сильнее?
— Потому что решаем за того, кто не может встать.
Моро подняла ладонь.
— Пока нога не начнёт держать, Вай не остаётся с ним один. Голос Орека не использовать. О Южном рте не спрашивать.
— А если заговорит сам?
— Слушать можно.
— Отвечать?
— Своим голосом.
Вай посмотрел на Керена.
Тот не шевельнулся.
— Хорошо, — сказал Вай.
Слишком легко.
Моро тоже это услышала.
— За ребёнком ходит Сави. Мэя отвечает за раны. Остальные подходят, только назвавшись.
— Почему Сави?
— Он первым отказался использовать то, что ребёнок сейчас не может защитить.
— Значит, получает его целиком?
Сави поднял голову.
— Не целиком.
— Тогда какую часть?
— Никакую, — ответила Моро. — Получает работу.
Керен запомнил это слово.
Работу.
Не право.
Но ночью, когда остальные разошлись, именно Сави остался возле его огня.
Утром Сави принёс воду и густую серую кашу.
Керен не притронулся.
Бок болел при каждом вдохе. Нога под лубками пульсировала. За ночь пальцы немного распухли, но оставались тёплыми.
Сави сел в стороне.
— Я сниму верхний ремень. Проверю, не давит ли.
Керен не ответил.
— Сначала коснусь пальцев.
Сави протянул руку.
Керен приготовился отдёрнуться.
В этот момент дыхание Сави изменилось.
Не резко.
Наоборот — слишком мягко.
Его вдох совпал с Кереновым.
Керен задержал дыхание.
Сави тоже.
Керен коротко выдохнул.
Чужая грудь ответила тем же.

Всё внутри застыло.

Керен снова оказался возле беззвучной воды. Человек стоял отдельно, а тень уже знала, куда он пойдёт. Только теперь тенью было чужое дыхание. Оно двигалось вместе с ним, не принадлежа ему.

Керен перестал смотреть на руку Сави.

Смотрел на грудь.

Сави сделал ещё один совпадающий вдох.

Керен сжал древко.

— Не бери.

Сави замер.

— Что?

— Моё дыхание.

Сави медленно выдохнул.

На этот раз не подстраиваясь. Воздух вышел с хрипом и тихим свистом. Один вдох оказался короче другого. Грудь поднималась неровно.

— Я хотел, чтобы ты привык.

— Так делает Вай?

— Иногда.

— Когда хочет закрыть дорогу ногой?

Сави посмотрел внимательнее.

— Вай входит иначе.

— Но входит.

— Да.

Керен отвернулся к стене.

Сави долго не двигался.

Потом пересел.

Перестал держать спину ровно. Левое плечо опустилось. Одну ногу вытянул, другую поджал. Его тело стало кривым, неудобным и непохожим на Керена.

Дыхание продолжало свистеть.

— Вот так ты сидишь?

— Когда не стараюсь стать понятнее.

— Значит, до этого притворялся.

— Подстраивался.

— Это другое слово для «притворялся»?

Сави задумался.

— Иногда.

Керен впервые посмотрел ему прямо в лицо.

— Почему плечо кривое?

— Упал в молодости. Плохо срослось.

— Нога тоже?

— Ногу порвал зверь.

— А грудь?

— Долго дышал дымом, вытаскивая людей из каменного кармана.

— Врёшь?

— Что именно?

— Всё.

Сави поднял правую руку.

— Плечо можешь потрогать. Кость торчит.

— Не хочу.

— Тогда не трогай.

Уговаривать он не стал.

Керен смотрел на его кривую посадку. Подражать такому можно было. Мирас сумел бы. Наверное, Вай тоже.

Но пришлось бы помнить слишком много сразу: разную высоту плеч, задержку левой ноги, свист на длинном выдохе, привычку сначала поднимать правую руку, хотя ближе находилась левая.

Слишком много несовершенств.

Слишком мало гладкости.

— Ты всегда такой?

— Когда остаюсь собой достаточно долго.

— А потом становишься другим?

— Иногда беру чужое движение, если человеку так легче.

— Мне не легче.

— Теперь знаю.

Сави показал на ногу.

— Коснуться пальцев?

Керен помедлил.

— Один раз.

Сави коснулся большого пальца.

— Чувствуешь?

— Да.

— Следующий.

Он называл каждый палец до прикосновения. Потом ослабил верхний ремень. Опухоль не увеличилась, кожа оставалась тёплой.

— Теперь подниму ногу под пяткой.

Керен кивнул.

Сави подложил свёрнутый мех, не поворачивая голень. Боль усилилась, но быстро улеглась.

— Хорошо.

— Не говори «хорошо».

— Почему?

— Нога сломана.

Сави подумал.

— Тогда: хуже не стало.

Это Керен принял.

Сави подал кашу.

Керен взял миску и сделал несколько глотков. Каша была пресной, с горьким запахом незнакомого зерна.

Сави указал на неё и произнёс короткое слово на своём языке.

Керен понял не само слово, а просьбу назвать.

Повторил.

Слишком твёрдо.

Сави показал на собственном рту, как поставить язык. Не касаясь Керена.

Тот сказал ещё раз.

Почти правильно.

Возвращая миску, Керен произнёс другое слово.

То, которому научил Мирас.

Слово безопасного приближения.

Сави перестал дышать.

— Кто тебя научил?

Керен слишком поздно понял ошибку.

— Никто.

— Ты сказал не как тот, кто слышал однажды.

— Вай говорил.

— Вай ответил тебе другим словом.

Керен прижал миску к груди.

Сави не подошёл ближе.

— У Южного рта есть человек, который знает наши слова.

Керен молчал.

— Он поставил знак?

Керен посмотрел на второй выход.

— Я не скажу.

— Почему?

— Он свой.

— Если свой, зачем прячет?

— Потому что вы чужие.

Сави принял ответ без улыбки.

— Как его зовут?

Керен отвернулся.

— Хорошо. Не говори.

— Ты расскажешь Ваю?

— Моро должна знать, что граница уже пропускала слова.

— Тогда узнает Вай.

— Возможно.

— Значит, всё равно возьмёшь то, чего я не дал.

— Что?

— Имя.

Сави посмотрел на миску в его руках.

— Слово я слышал. Этого уже не вернуть. Имя человека ты не сказал. Его у меня нет.

Керен не был уверен, что различие настоящее.

У входа стоял Вай.

Никто не слышал, когда он подошёл.

Он смотрел не на Керена.

На Сави.

И по тому, как палец Вая один раз коснулся бедра, Керен понял: тот слышал достаточно.

Глава седьмая. Те, кто отвечают

На второе утро еду Керену принёс не Сави.

Пришла Мэя. Поставила у камня миску, проверила пальцы повреждённой ноги и ослабила один ремень на лубках.

— Где Сави?

— Спит.

— Почему?

— Ночью не спал.

— Он должен прийти.

Мэя подняла взгляд.

— Зачем?

— Он отвечает за ногу.

— Сейчас отвечаю я.

Она вытащила мокрый мох из-под деревянной планки. Двигалась быстро, почти не предупредив, но руки не ошибались. Когда Керен дёрнулся, Мэя удержала пятку и дождалась, пока боль уляжется.

— Сави сначала говорил, куда коснётся.

— Что?

— Называл место.

Мэя выдохнула через нос.

— Коснулись здесь.

Она указала на опухоль.

— Потом здесь.

Показала выше.

— Теперь сниму мокрое.

— Теперь поздно.

— Для следующего раза — нет.

Дальше она работала медленнее.

После неё пришёл седой мужчина, имени которого Керен не знал. Забрал пустую миску и подложил полено в огонь.

— Где Сави?

— У северного входа.

— Мэя сказала, спит.

— Уже встал.

— Кто из вас врёт?

Седой рассмеялся.

— Никто. Пока Мэя говорила, спал. Пока я пришёл, встал.

— Тогда кто отвечает?

— За что?

— За меня.

Мужчина перестал улыбаться.

— Сейчас?

— Всегда.

— Так не бывает.

Он ушёл прежде, чем Керен успел спросить дальше.

Днём пришла Моро.

Не принесла ни еды, ни воды. Села напротив и несколько мгновений просто смотрела.

— Ты не назвалась, — сказал Керен.

— Моро.

— Я знаю.

— Тогда зачем требуешь?

— Чтобы сделала правильно.

Моро приняла ответ.

— Скажи своё имя.

Керен промолчал.

— Хорошо. Не говори.

— Зачем спрашивала?

— Хотела узнать, дашь ли ты его.

— А если не хочу?

— Тогда у меня его нет.

Керен посмотрел на неё внимательнее.

— Вай знает.

— Вай взял.

— Разве это не одно?

— Нет.

Моро положила между ними три маленьких камня: один светлый и два тёмных.

— Что ты помнишь после падения?

— Всё.

— Что видел?

— Вая.

— Тогда ты не знал его имени.

— Теперь знаю.

— Что видел тогда?

Керен вспомнил мокрый камень, поднятую ладонь и ногу поперёк тропы.

— Человека.

— Что ещё?

— Сави.

— Его имя тоже узнал позже.

— Второго человека.

— Что тебе приснилось?

Керен понял, к чему она ведёт.

— После падения — ничего.

— До него?

— Тень у воды.

— Ты видел её в Горле?

— Нет.

Моро отодвинула светлый камень.

— Это сон.

Положила рядом первый тёмный.

— Это увиденное.

Второй тёмный оставила дальше.

— Это то, что ты понял после.

— Варен делает так словами.

— Кто такой Варен?

Керен едва не ответил. Успел остановиться.

Моро кивнула.

— Не хочешь давать имя — не давай.
— Ты всё равно знаешь, что он у Первых.
— Знаю место. Не человека.
— Какая разница?
— Место может нести другой.
— А человека нельзя?

Моро посмотрела на него.

— Иногда можно. Недолго.
— Вай нёс голос отца.
— Вай не нёс твоего отца.
— Сам сказал, что голос — воздух.
— Поэтому и не нёс.

Керен подвинул пальцем тёмный камень.

— Кто отвечает за меня?

Моро не спросила, что он имеет в виду.

— Мэя отвечает, чтобы раны не загнили. Сави — чтобы кость срослась и ты понимал наши слова. Я — чтобы никто не положил тебе в рот ответ, которого ты не дал. За огонь сейчас отвечает Хор. За воду — Мэя. За то, чтобы Вай не оставался с тобой один, отвечают все, кто видит.

— Значит, никто.
— Почему?
— Потому что вы делите.
— А у вас не делят?
— Нара отвечает за меня.

Моро услышала имя, но не повторила.

— Одна?
— Перед огнём — она. Если её нет, Варен.
— А если оба ошибутся?
— Тогда Тарек скажет.
— А если ошибутся трое?

Керен нахмурился.

— Так не бывает.

Моро посмотрела на три камня.

— Тогда тебе повезло больше, чем всем людям.

Она поднялась.

— Сави придёт к вечеру.
— Почему не сейчас?
— У него другая работа.

Керен не ответил.

Моро ушла.

Он остался с тремя камнями и впервые подумал, что у Вторых человек может принадлежать не одному взрослому, а нескольким обязанностям сразу.

Ему это не понравилось.

Сави пришёл, когда свет от южного входа уже начал слабеть.

Принёс новую шкуру и деревянную чашу с горячей водой.

— Мэя сказала, ты спрашивал.
— Она плохо меняет перевязку.
— Нога стала хуже?
— Нет.

- Значит, меняет хорошо.
- Она не говорит заранее.
- Скажу ей.
- Сави сел у ног.
- Сниму наружную планку, промою кожу и поставлю обратно.
- Почему тебя не было?
- Спал.
- Потом?
- Чинил заслонку у северного входа.
- Потом?
- У Хора заболела грудь.
- Ты отвечаешь за его грудь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.